

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ И ПУШКИНЪ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И ПРИМЪЧАНІЯМИ

Николая Барсукова.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1904.

Отдѣльный оттискъ изъ VIII-й книги сборника „Старина и Новизна“.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ и ПУШКИНЪ.

I.

7-го іюня 1903 года, въ Остафьевѣ, въ комнатѣ на верху, въ которой Карамзинъ, проживая лѣтомъ до 1816 года, писалъ *Исторію Государства Россійскаго*, а потому именуемой *Карамзинскою*, состоялось, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, въ присутствіи членовъ Общества С. О. Долгова, И. С. Бѣляева, графини Е. П. Шереметевой, стороннихъ посѣтителей Г. А. Муркоса, С. А. Бѣлокурова, А. С. Орлова и А. С. Долговой, предварительное засѣданіе Московскаго Отдѣленія Коммисіи *Старины и Новизны*. На этомъ засѣданіи положено было издавать и въ Москвѣ, одновременно съ Петербургомъ, историческій Сборникъ Общества Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память Императора Александра III *Старина и Новизна*.

На мою долю, по порученію графа С. Д. Шереметева, выпалъ счастливый жребій начать это Московское изданіе *Старины и Новизны* письмомъ Карамзина, изъ Царскаго Села, отъ 17-го октября 1825 года, къ приснопамятному владѣльцу Остафьева князю П. А. Вяземскому, невошедшимъ въ собраніе писемъ Исторіографа, напечатанныхъ въ книгѣ первой *Старины и Новизны* (Спб. 1897, стр. 1—204).

II.

Съ 1830 по 1853 годъ князь Вяземскій служилъ въ Министерствѣ Финансовъ. Сначала онъ занималъ должность вице-директора Департамента Внѣшней Торговли (1832—1846), директоромъ котораго былъ Бородинскій товарищъ его Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, а потомъ управляющимъ Заемнымъ Банкомъ (1846—1854).

Въ своей рѣчи, произнесенной на юбилеѣ пятидесятилѣтней государственной дѣятельности Евграфа Петровича Ковалевскаго, князь П. А. Вяземскій сказалъ юбиляру: „мы съ вами неоднократно сходились на служебномъ поприщѣ и, сколько помнится, мы другъ у друга не перебивали дороги, а шли дружелюбными спутниками и сослуживцами. Мы встрѣчались съ вами въ кабинетѣ общаго начальника нашего, незабвеннаго намъ и Россіи, графа Канкринна. Съ нами здѣсь преемникъ его, А. М. Княжевичъ, также нашъ современникъ и сослуживецъ. Тѣмъ охотнѣе заявляю при немъ доброе слово въ память государственнымъ заслугамъ общаго нашего начальника, что и онъ, убѣжденъ я, отзовется на голосъ мой и подкрѣпитъ его. Вы въ то время, для обогащеніи Россіи, допытывались подземелій и рудниковъ ея. И тогда уже вы на этомъ пути встрѣчались съ литературою и ученостію нашею въ лицѣ родоначальника ихъ Ломоносова. Я въ тѣхъ же финансовыхъ цѣляхъ допытывался кармановъ потребителей нашихъ по части внѣшней торговли и проникалъ въ потаенные склады контрабанды. Тогда и я, по странному случаю и какъ будто пророчески, участвовалъ въ таможенной цензурѣ, которая именуется тарифомъ, чтобы позднѣе участвовать въ литературномъ тарифѣ, который именуется цензурою.“

Графъ Канкринъ, говоря однажды князю Вяземскому о своихъ трудахъ и болѣзняхъ, сказалъ, что онъ уже пятнадцать лѣтъ сидитъ на огненномъ стулѣ *Министерства Финансовъ*. Но тотъ же графъ Канкринъ говорилъ: „прицаютъ такого-то, что встрѣчаешь его на всѣхъ обѣдахъ, балахъ, спектакляхъ, такъ что мало времени ему заниматься дѣлами. А я скажу: слава Богу! Другого хвалить: вотъ настоящій государственный человекъ, нигдѣ не встрѣтите его, цѣлый день сидитъ онъ въ кабинетѣ, занимается бумагами. А я скажу:

избави Боже!“ (*Полное Собрание Сочинений Князя П. А. Вяземскаго*. VII, 62—63. VIII, 183).

Въ Остафьевскомъ Архивѣ нашлась записка князя Вяземскаго въ толстой переплетенной тетради, на которой рукою его сдѣлано слѣдующее заглавіе: *Разные проекты и записки во время служенія моего въ Департаментъ Внѣшней Торговли*. Вся записка написана княземъ Вяземскимъ собственноручно; за нею слѣдуетъ рядъ другихъ, написанныхъ писарскою рукою, съ помѣтками князя Вяземскаго. Въ концѣ прилагаемой записки сдѣлана слѣдующая приписка: „Je vous embrasse de tout mon coeur et de toute la force de mon âme, je vous engage à continuer.“

Мы полагаемъ, что эта приписка сдѣлана Д. Г. Бибиковымъ, какъ уже сказано, тогда занимавшимъ должность директора Департамента Внѣшней Торговли.

По свидѣтельству покойнаго Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Юрія Васильевича Толстаго, Д. Г. Бибиковъ очень цѣнилъ „возвышенный умъ“ своего Бородинскаго товарища и вице-директора Департамента Внѣшней Торговли, обладающаго даромъ проникать въ сущность предмета, хотя по существу ему чуждаго, и въ этомъ отношеніи почиталъ его „неоцѣненнымъ своимъ совѣтникомъ.“

Толстому же впоследствии, какъ онъ выражался, „выпало на долю счастье“, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, Спиридономъ Юрьевичемъ, присутствовать, въ 1869 году, на вечерѣ, когда опальнаго сановника посѣтилъ его вѣрный другъ и прочелъ свои *Поминки по Бородинской битвѣ*, ему, Дмитрію Гавриловичу Бибикову, посвященные:

И тебя ль сердечнымъ словомъ
Вѣрный стихъ мой обойдетъ?
Ты мнѣ также былъ покровомъ,
Мой старинный доброхотъ!

Вспоминая свое участіе въ Бородинскомъ боѣ, князь Вяземскій писалъ:

Ты, съ заботливостью брата,
Тутъ же выручилъ меня:
Что въ бою дороже злата,
Ты взаимы мнѣ далъ коня.

.

Съ той поры умчало время
 Много лицъ, событій, лѣтъ;
 Разрослось другое племя,
 И чего не видѣлъ свѣтъ!

.

Въ день борьбы за Русь Святую
 Ты руки не пощадилъ,
 А въ дни мира ей другую
 Гражданиномъ посвятилъ.

.

Людымъ свойственны ошибки,
 Ошибиться могъ и ты,
 Но ты не былъ флюгеръ гибкій
 У вертлявой суеты.

.

Разъ принявшись за дѣло,
 Не боялся ты трудовъ
 И одной рукою смѣло
 Съ зломъ бороться былъ готовъ.

У иныхъ—примѣръ не новый—
 „Двѣ огромныя руки“
 На себя служить готовы,
 И проворны и легки;

А на выручку страдальца,
 Если въ помощь ихъ зовешь,
 Не найдешь живого пальца,
 Полмизинца не найдешь.

Цѣлый міръ будь имъ поставщикъ,
 А радѣть ли о другомъ—
 Каждый пальчикъ и суставчикъ
 Въ нихъ разбить параличемъ.

Если жъ гдѣ тобой замѣченъ
 Случай пользы данъ принести,
 Позабывъ, что ты увѣченъ,
 Помнишь ты, что совѣсть есть.

А когда сведешь съ кѣмъ дружбу,
 Съ другомъ связь твоя крѣпка:
 И на дружбу, и на службу
 Горяча твоя рука.

(*Полное Собрание Сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1896, XII, 391—401.*)

Внука князя Вяземскаго, княжна Александра Павловна Вяземская, вышла потомъ замужъ за крестника Д. Г. Бибикова, Дмитрія Сергѣевича Сипягина. Черезъ Кушниковыхъ *), онъ былъ въ свойствѣ съ Бибиковымъ и родился въ Кіевѣ въ генераль-губернаторскомъ домѣ. Въ дѣтскіе и юношескіе годы свои Д. С. Сипягинъ пользовался неизмѣннымъ родственнымъ участіемъ Д. Г. Бибикова, и съ своей стороны питалъ къ нему чувства глубокаго уваженія и признательности.

*) Родная сестра Карамзина Екатерина Михайловна была въ замужствѣ за Казанскимъ помѣщикомъ С. А. Кушниковымъ; а дочь ихъ Софья Сергѣевна была въ замужствѣ за Дмитріемъ Гавриловичемъ Бибиковымъ. Дѣдъ Дмитрія Сергѣевича Сипягина, Николай Мартыановичъ Сипягинъ, былъ женатъ на Елисаветѣ Сергѣевнѣ Кушниковой. Н. Б.

Д. С. Сипягину хорошо извѣстны были подробности той опалы, которая постигла Бибикова тотчасъ послѣ смерти Императора Николая I. Рассказывая эти подробности, Д. С. Сипягинъ выражалъ глубокое сочувствіе твердости духа, самостоятельности и благородству Бибикова, кончина котораго для Сипягина была истиннымъ горемъ.

III.

Въ іюнѣ 1849 года, князь П. А. Вяземскій, изъ своего подмосковнаго села Остафьева, предпринялъ путешествіе на Востокъ. Онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Константинополѣ, посѣтилъ Малую Азію и сподобился поклониться въ Іерусалимѣ Святому Живоносному Гробу Спасителя нашего...

Когда приближаешься уже къ концу земного своего поприща“, пишетъ нашъ паломникъ, „и имѣешь въ виду неминуемое путешествіе въ страну отцовъ, всякое путешествіе, если предпринимаешь его не съ какою нибудь специальною цѣлью въ пользу науки, есть одно удовлетвореніе суетной прихоти, безплоднаго любопытства. Одно только путешествіе въ Святыя Мѣста можетъ служить исключеніемъ изъ этого правила. Іерусалимъ—какъ бы станція на пути къ великому ночлегу. Это—приготовительный обрядъ къ торжественному переселенію. Тутъ запасешься не пустыми свѣдѣніями, которыя ни на что не пригодятся намъ за гробомъ, но укрѣпляешь, растворяешь душу напутственными впечатлѣніями и чувствами, которыя могутъ, если Богъ благословитъ, пригодиться и тамъ, и во всякомъ случаѣ нѣсколько очистить насъ здѣсь.

„Какъ поживешь во Святомъ Градѣ, проникнешься убѣжденіемъ, что судьбы его не исполнились. Тишина, въ немъ царствующая, не тишина смерти, а торжественная тишина ожиданія.

„Въ молодости моей, когда я былъ независимѣе и свободнѣе, путешествіе какъ-то никогда не входило въ число моихъ преднамѣреній и ожиданій. Я слишкомъ безопасно былъ поглощаемъ суетами настоящаго и окружающаго меня. Скорбь вызвала меня на большую дорогу, и съ той поры смерть запечатлѣла каждое мое путешествіе. Въ первый разъ собрался я за границу, по предложенію Карамзина, ѣхать съ нимъ; но кончина его (1826 г.) разсѣяла это предположе-

ніе до приведенія его въ дѣйствіе. Послѣ, болѣзнь Пашеньки заставила насъ ѣхать за границу. Ея смерть (1835 г.) наложила черную печать свою на это первое путешествіе. Второе путешествіе мое окончательно ознаменовалось смертью Наденьки (1840 г.). Смерть Машеньки (1849 г.) была точкою исхода моего третьяго путешествія. Такимъ образомъ, четыре могилы служатъ памятниками первыхъ не сбывшихся сборовъ и трехъ совершавшихся путешествій моихъ. Не взмой меня волна несчастій, я, вѣроятно, никогда не тронулся бы съ мѣста. Вѣроятно, путешествія мои, всегда отмѣченныя смертію, кончатся путешествіемъ ко Святому Гробу, который примиряетъ со всѣми другими гробами. Такъ быть и слѣдовало“. (*Путешествіе на Востокъ князя П. А. Вяземскаго* (1849—1850). Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1863, стр. VII—VIII).

Во время путешествія князя П. А. Вяземскаго по Востоку, посланникомъ нашимъ въ Константинополь былъ Владиміръ Павловичъ Титовъ. „Есть умы“, замѣчаетъ В. А. Мухановъ, „теряющіеся въ сферахъ отвлеченности, для которыхъ вопросы положительныя не доступны: таковъ умъ Титова, впрочемъ умнаго, образованнаго и доброго человѣка.“

Къ этому времени относятся печатаемыя ниже письма князя П. А. Вяземскаго къ его сыну князю Павлу Петровичу, который 18-го февраля 1846 года былъ назначенъ помощникомъ секретаря миссіи въ Константинополь, а въ 1850 году, онъ уѣхалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ. 9-го декабря того же 1850 года онъ определенъ былъ на вакансію младшаго секретаря нашей миссіи въ Гагъ.

IV.

„Насъ было пять братьевъ“, пишетъ въ своихъ *Запискахъ* М. А. Бестужевъ, „и всѣ пятеро погибли въ крушеніи 14 декабря 1825 года“.

Прославившійся въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ *Марлинскаго*, Александръ Александровичъ Бестужевъ, служилъ въ лейбъ-гвардіи Драгунскомъ полку и былъ адъютантомъ герцога Виртембергскаго. Въ Петербургѣ онъ жилъ на одной квартирѣ съ Рылѣвымъ.

Въ *Запискахъ* М. А. Бестужева сказано: „у Рылѣва бывали обычныя русскіе завтраки, происходившіе постоянно около 2-го или

3-го часа по полудни, и на которые обыкновенно собирались многіе литераторы и члены нашего (т. е. тайнаго) общества. Завтракъ неизмѣнно состоялъ: изъ графина очищеннаго *русскаго* вина, нѣсколько кочней кислой капусты и ржанаго хлѣба. Да не покажется страннымъ такая Спартанская обстановка завтрака. Эта потребность гармонировала со всегдашнею наклонностью Рылѣева—налагать печать русизма на свою жизнь“. (*Русская Старина* 1870, I, 260).

Первая книжка *Полярной Звѣзды* начинается статью А. А. Бестужева *Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи*, которая заключаетъ въ себѣ краткія характеристики русскихъ писателей отъ Кантемира и кончая Пушкинымъ. О князѣ Вяземскомъ Бестужевъ сказалъ: „Остроумный князь Вяземскій щедро сыплетъ сравненія и насмѣшки. Почти каждый стихъ его можетъ служить пословицею, ибо каждый заключаетъ въ себѣ мысль. Онъ творитъ новыя, облагораживаетъ народныя слова и любитъ блистать неожиданностью выраженій. Имѣя взглядъ бѣглый и соображательный, онъ вѣрно цѣнитъ произведенія разума, научаетъ шутками и одѣваетъ свои сужденія приманчивою свѣтскостью и блестками ума просвѣщеннаго. Многія изъ мелкихъ его сочиненій сверкаютъ чувствомъ, всѣ скрѣплены печатью таланта, не смотря на неровное индѣ паденіе звуковъ и длину періодовъ въ прозѣ. Его упрекаютъ въ расточительности остротъ, не оставляющихъ даже тѣней въ картинѣ, но это происходитъ не отъ желанія блистать умомъ, но отъ избытка онаго“. (Сайтовъ. *Примѣчанія къ перепискѣ князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ*. Спб. 1901, стр. 557—558).

V.

Въ Остафьевской библіотекѣ хранится томикъ *Стихотвореній А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій*. Второе изданіе. Berlin 1870. Книжка эта снабжена собственноручными примѣчаніями князя П. А. Вяземскаго. На оберткѣ книжки его рукою написано: „La mère en defendra la lecture a sa fille. Держать при себѣ“.

Объ издателѣ князь Вяземскій отозвался: „Извѣстенъ ли издатель этой книжки? Есть и дѣльное, но есть много вздора и неправды“.

На стр. 34—42 напечатанъ отрывокъ изъ *Гаврилады*. При этомъ князь Вяземскій замѣтилъ: *У меня долженъ быть въ старыхъ бумагахъ полный собственноручный Пушкина списокъ Гаврилады, имъ мнѣ присланный. Должно сжечь его, что и завѣщаю сдѣлать сыну моему.*

Это замѣчаніе князя Вяземскаго вполне подтверждаетъ собственноручныя показанія Пушкина, данныя имъ въ Слѣдственной Комиссіи, въ августѣ 1828 года, а именно:

1) „Сія поэма *писана не имъ*; что онъ въ первый разъ видѣлъ ее въ Лицеѣ, въ 1815 или въ 1816 гг., и *переписалъ* ее, но не помнитъ, *куда дѣвалъ сей списокъ*, и что съ того времени онъ не видалъ ее“.

2) „Рукопись ходила между офицерами Гусарскаго полка, но отъ кого изъ нихъ именно я досталъ оную, я никакъ не упомяну. Мой же *списокъ* сжегъ я, вѣроятно, въ 20-мъ году“.

Это же замѣчаніе князя Вяземскаго подтверждаетъ также и мое примѣчаніе къ показаніямъ Пушкина (*Старина и Новизна* 1902. V, 4).

Къ этому же времени, т. е. къ 1814 году, относится стихотвореніе Пушкина *Городокъ*, въ которомъ о князѣ Д. П. Горчаковѣ написано:

Хвала вамъ, чада славы,
 Враги парнасскихъ узъ!
 О князь, наперсникъ музъ,
 Люблю твои забавы;
 Люблю твой колкій стихъ
 Въ посланіяхъ твоихъ,
 Въ сатирѣ—знанье свѣта
 И слога чистоту,
 И въ рѣзвости куплета
 Игриву остроту.

VI.

Въ Михайловской библіотекѣ хранится печатный экземпляръ, подаренный владѣльцу оной графу С. Д. Шереметеву княземъ П. А. Вяземскимъ, *Опаснаго Сосѣда*, поэмы В. Л. Пушкина. (Издание третье, Берлинъ 1876). Экземпляръ сей снабженъ собственноручными примѣчаніями князя П. А. Вяземскаго.

Это произведеніе В. Л. Пушкина выдержало три изданія. Первое было налитографировано въ 1815 году и разошлось въ Русской арміи. Второе было сдѣлано въ Лейпцигѣ, въ 1855 году, С. Д. Полторацкимъ; и наконецъ третье—въ Берлинѣ, въ 1876 году.

По замѣчанію послѣдняго издателя, „всѣ стихи В. Л. Пушкина забыты, а *Опасный Сосѣдъ* твердился нѣсколькими поволѣніями Русскихъ людей и теперь у многихъ въ памяти.“

Знаменитый племянникъ автора *Опаснаго Сосѣда*, безмятежно процвѣтавшій тогда въ Царскосельскихъ садахъ Лицея, еще въ 1814 году писалъ:

....Ты, замысловатый
Буянова пѣвецъ,
 Въ картинахъ толь богатый
 И вкуса образецъ.

Николай Барсуковъ.

6-го сентября 1903 г.
 С. Михайловское.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ.

I.

Письмо Н. М. Карамзина.

Царское Село, 17-го октября 1825.

Любезнѣйшіе друзья!

Спѣшу отвѣтить на ваше письмо отъ 10 октября, милый Князь, въ доказательство моей точности возвращаю письмо Левенштерна ¹⁾, отъ котораго у меня почти волосы дыбомъ стали. Неужели оно не потрясло васъ въ намѣреніи быть его преемникомъ? Здѣсь говоритъ опытъ—доброжелательство. И съ другой стороны слышу, что мѣста вице-губернаторскія крайне опасны: тотчасъ взысканіе, и тотчасъ безъ имѣнія. Стоитъ ли рисковать для четырехъ или еще трехъ тысячъ жалованья? Не искать ли другаго мѣста, безопаснаго со стороны взысканій, отъ которыхъ ни умъ, ни совѣсть не могутъ спасти васъ. Да и въ землѣ чухонской, одному русскому между нерусскими, и безъ всякой опытности! Не взять ли еще зиму на размышленіе и развѣдываніе? То есть, я развѣдалъ бы, гдѣ вамъ можно пріютиться—подумайте и рѣшите. Никакъ не совѣтую вамъ предлагать услугъ или ходатайства Левенштерну: по ихъ нѣмецкимъ связямъ они сильнѣе насъ съ вами; повѣрьте. Скромность лучше. Да онъ же ясно говоритъ, что *скоро* оставитъ свое мѣсто и безъ нашего содѣйствія.

Г. Строевъ мнѣ самъ предложилъ, и я согласился, чтобы онъ издалъ *Указатель* въ свою пользу: какъ же мнѣ отнять у него это

право? Надобно, чтобы онъ самъ отказался. Дѣйствительно ли занимается тѣмъ? Узнайте повѣрнѣе ²⁾), а я радъ содѣйствовать пользѣ г. Габбе, который впрочемъ и безъ моего согласія воленъ издать свой трудъ, хотя и едва ли прибыльный; во всякомъ случаѣ лучше подождать XII-го тома. Наша публика не германская. 1800 экземпляровъ X и XI тома лежатъ у меня не проданными!..³⁾

О подвигахъ Магницкаго или не читаль, или читаль вскользь, безъ вниманія ⁴⁾); вѣрю ужасу.

К. Андрей Петровичъ писалъ къ намъ о своей горести, а мы къ нему съ сердечнымъ участіемъ ⁵⁾). Столь же искренно жалѣемъ о Четвертинскихъ ⁶⁾).

Мнѣ лучше. По три часа въ день бываю на воздухѣ, пѣшіи и конный. Уединеніе, единообразіе, тишина—мое лекарство. Холода не чувствуемъ, и желали бы прожить здѣсь еще недѣли три. Надѣмся, что ваши милые птенцы уже всѣ вмѣстѣ, и что кашель затихъ. Какъ мы смѣялись остроумію и глубокомыслію Павлуши!*) Будетъ путь. Посланія дѣвицъ милы. Николай готовится отвѣчать. У насъ были экзамены, въ которыхъ Андрей геройствовалъ: это атлетъ въ ученѣхъ. Нѣжно васъ обнимаемъ, любезнѣйшіе друзья, со всѣми малютками; особенно цѣлюю крестницъ.

Вашъ навѣки Н. Карамзинъ.

II.

ЗАПИСКА КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ВЯЗЕМСКАГО.

Если хотятъ опредѣлить одною общею чертою положительный характеръ эпохи нашей, отдѣливъ ее отъ движеній, которыя придаютъ ей политическія страсти и состязаніе противоборствующихъ мнѣній, подлежащее не горячимъ изслѣдованіямъ современниковъ, но окончательному суду исторіи, то нельзя не согласиться, что *промышленность*, или усовершенствованіе практическаго просвѣщенія и примѣненіе послѣдствій онаго къ пользамъ общественнаго и частнаго

*) Князя Павла Петровича Вяземскаго. *Н. Б.*

благосостоянія, есть отличительное направленіе нашего современнаго общества. На сей стезѣ встрѣчаются и съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ взаимно содѣйствуютъ общія человѣческія силы, не смотря на противуборство ихъ на другихъ поприщахъ. Здѣсь Россія и Англія, Франція и Австрія, каждая въ очеркѣ соразмѣрномъ, равно слѣдуютъ благодѣтельному движенію, какъ впрочемъ ни разнородны существенныя стихіи ихъ государственнаго бытія и славы. Политическія грядущія судьбы Европы и образованнаго міра намъ не извѣстны. Событія насаждаются людьми, но созрѣваютъ волею единаго Провидѣнія. Имъ положенъ срокъ и предѣлы, и не предускоряютъ ихъ ни усилія человѣческой мудрости, ни порывы нетерпѣливыхъ страстей. Можетъ быть не нашему поколѣнію предназначено увидѣть умиротвореніе враждующихъ началъ и воцареніе общаго порядка, плода многихъ бурь и потрясеній, можетъ быть, таится еще много жребіевъ въ темной урнѣ современной судьбы, но успѣхи, совершенные духомъ промышленности, духомъ предприимчиваго трудолюбія, потребностью устроить, какъ можно лучше, свое временное бытіе, извлечь изъ природы всѣ пособія, кои ввѣрены ей рукою Создателя въ пользу человѣка, сіи успѣхи не погибнуть въ сшибкѣ событій, каковы ни были бы они, не пропадутъ для поколѣній, которыя смѣнятъ насъ, и останутся навсегда началомъ новой, достопамятной эры въ исторіи общественной гражданственности.

Въ послѣднее 16-тилѣтіе, когда, послѣ долговременной и истощительной брани, вся человѣческая дѣятельность, всѣ попеченія благонамѣренныхъ правительствъ, всѣ честолюбивые замыслы частныхъ умовъ, сдвинутые съ мѣста и упраздненные новымъ порядкомъ вещей, всѣ денежные капиталы, подобно какъ и они опрокинутые, однимъ словомъ, всѣ физическія и нравственныя силы народовъ, утомленные въ борьбѣ съ властолюбіемъ единаго человѣка, переродились въ новой стихіи и, привыкнувши къ сверхъестественнымъ усиліямъ, напряглись къ достиженію цѣли, болѣе соотвѣтственной выгодамъ человѣчества,— въ сіе послѣднее шестнадцатилѣтіе мы были свидѣтелями исполнскихъ успѣховъ промышленности. Въ сей промежутокъ времени природа была, такъ сказать, преслѣдована въ послѣднихъ ущеліяхъ своихъ, извѣдана въ сокровеннѣйшихъ свойствахъ, допытана въ глубочайшихъ тайникахъ. Никогда торжество человѣка надъ нею не было запечатлѣно столь вѣрными и блестящими слѣдами. Прежде

умъ человѣческой присвоивалъ себѣ по одному завоеванію въ два, три столѣтія и долго не могъ покорить его совершенно господству своему. Нынѣ завоеванія быстро слѣдуютъ одно за другимъ, умъ входитъ въ права собственности, съ мѣста и съ боя налагаетъ на нее вооруженную руку и собираетъ непрекословную дань. Всѣ усилія, всѣ соображенія натянуты, чтобы жизнью искусственной, добытою просвѣщенными трудами, удвоить, утроить, удесятерить способы жизни естественной, расширить границы времени, сократить изживенія, и умножить послѣдствія, однимъ словомъ, пополнить дары природы производствами, также естественными, ибо они почерпнуты изъ ума, которому данъ ключъ ко всѣмъ таинствамъ природы, подлежащимъ нашему вѣдѣнію. Сколь умозрительныя покушенія современной дѣятельности сбивчивы, обманчивы въ своемъ безповойномъ и, такъ сказать, косвенномъ стремленіи, столь, напротивъ, надежны и плодотворны въ послѣдствіяхъ своихъ всѣ опыты, всѣ изысканія, имѣющія нѣкую пользу, ясную и положительную. Провидѣніе какъ будто хочетъ показать въ семь случаевъ то, что человѣкъ можетъ предпринимать самъ собою и въ чемъ долженъ онъ покорить себя силѣ, свыше надъ нимъ господствующей, показать, что онъ опредѣленъ дѣйствовать, но что въ иномъ онъ самъ дѣйствующее лице, а въ другомъ только орудіе*?

Здѣсь земля оковывается желѣзными колеями, и удобство и быстрота сухопутныхъ сообщеній не зависятъ уже отъ своенравія почвы, или измѣненій непогодъ. Тамъ, какъ будто отомщая природѣ за непокорность ея въ царствѣ воздушномъ, человѣческая изобрѣтательность, позабывъ, или, лучше сказать, отерочивъ изысканія свои въ устройствѣ воздушныхъ плаваній, во второй разъ покоряетъ себѣ рѣки и море, и освободившись отъ самовластия вѣтровъ, поручаетъ себя дѣйствию, зависящему отъ собственной воли, или сіе самое-же дѣйствіе обращаетъ на сухопутныя суда, которыя катятся безъ лошадей, по движенію, такъ сказать, единой мысли. Тутъ слово осуще-

*) Тутъ Провидѣніе ничему не причастно. Это наборъ словъ. Все равно сказать, что извѣстное извѣстно, а неизвѣстное неизвѣстно, не только темно. Но если бы не рылись, не шевелили неизвѣстнаго, не было бы и положительнаго.... За чѣмъ мистику вводитъ въ промышленность: пора бы её исключить и изъ исторіи.

ствленное безъ голоса, безъ письменъ передается скоропостижно, и одинъ край Европы молча откликается съ другимъ въ часы рѣшительныхъ событій, или великихъ ожиданій. Мало того, что всевластною волею человѣка поверхность земного шара исчерчена во всѣхъ направленіяхъ естественныхъ и сверхъестественныхъ, тамъ, гдѣ встрѣчается малѣйшая преграда стремительному ея шествію, тамъ, гдѣ можетъ она быть задержана на нѣсколько часовъ, она врывается въ самую нѣдра земли и уготовляетъ себѣ безпрепятственную дорогу, на коей сводъ рѣкъ заслоняетъ отъ человѣка сводъ небесъ съ солнцемъ своимъ, уже человѣку не нужнымъ. Быстрота сообщеній между одною гемисферою и другою пополняетъ, такъ сказать, важное изобрѣтеніе письменнаго искусства. Ему обязаны мы сочувствіемъ столѣтій, давно павшихъ въ бездну ничтожества и еще таящихся въ мракѣ грядущаго, сими изобрѣтеніями обязаны мы скорымъ сближеніемъ разноплеменныхъ жителей пространнаго міра, которые оставались бы навсегда чужды другъ другу. Благодаря современнымъ успѣхамъ слово антиподъ не существуетъ, ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ смыслѣ. Въ Божьемъ семействѣ рода человѣческаго антиподовъ быть не можетъ.

Но сверхъ сихъ Геркулесовскихъ подвиговъ, сихъ чудесъ промышленности, изумляющихъ насъ огромностью послѣдствій своихъ, сколько еще частныхъ ежедневныхъ, повсемѣстныхъ благодѣяній, утѣшающихъ насъ въ ограниченныхъ кругахъ полезнаго движенія. Прежде гражданская дѣятельность сосредоточивалась въ однихъ городахъ, требуя значительныхъ поощреній, обширнаго стеченія вспомогательныхъ средствъ и многолюдства. Нынѣ разливается она по деревнямъ и требуетъ одной свободы дѣйствія. Тамъ, гдѣ находитъ она на пути своемъ рѣчку, лѣсъ, руду, каменное уголье, она водружаетъ знамя просвѣщенія, поселяетъ успѣхи ея, вноситъ свѣтильникъ полезныхъ свѣдѣній, развиваетъ умственные силы человѣка и въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ на самую нравственность народа. Въ семъ соображеніи заключается убѣдительнѣйшее опроверженіе лжеумствованій, которыя обвиняютъ промышленность въ направленіи ума человѣческаго къ цѣли слишкомъ физической и въ примѣненіи еѳо къ выгодамъ исключительно вещественнымъ. Изъ того, что промышленность имѣетъ всегда таковыя возмездія для трудовъ, въ пользу ея понесенныхъ,

что она не требуетъ отъ приверженцевъ своихъ самоотверженія безкорыстнаго и бесплатнаго, не слѣдуетъ однакоже, что она унижительно стѣсняетъ всѣ порывы дѣятельности, всѣ стремленія къ возможному усовершенствованію въ опредѣленномъ очеркѣ одного личнаго разчета. Промышленность, напротивъ, наука преимущественно общественная. Въ ней частная польза есть неминуемое орудіе, несомнѣнный залогъ пользы общей. Неоспоримо, что промышленность развиваетъ благосостояніе по всѣмъ степенямъ общества, не минуя и нижней степени, распространяетъ свѣдѣнія практическія, примѣненные ко всѣмъ родамъ жизни, водворяетъ нѣкоторое просвѣщеніе и въ самой глуши людскихъ населеній. Слѣдовательно, она по возможности возвышаетъ человѣка, улучшая положеніе его. Человѣкъ, хорошо прикрытый отъ неблагопріятности стихій, покойно и тепло одѣтый, сытый, владѣющій средствами добывать изученнымъ трудомъ пропитаніе и содержаніе свое и обезпечивать нужды семейства своего, пользуется по возможности жизнью своею и, слѣдовательно, будетъ въ миролюбивомъ сочувствіи съ порядкомъ, его окружающимъ, съ законами, ему предписанными. Нищета, стѣсненіе, бѣдственность, немощь физическая и умственная суть худыя поруки въ нравственности. Таковой человѣкъ, человѣкъ страдающій, неминуемо раздражителенъ и не здороваго. Оставимъ тщетныя мечтанія о первобытномъ состояніи человѣка, о какомъ-то желательномъ естественномъ положеніи человѣка, въ коемъ Божіе созданіе, одаренное мыслью и чувствомъ, осуждено прозябать, не пользуясь лучшими дарами своими. Человѣку даны не однѣ руки и ноги, не одни тѣлесныя чувства, но и предчувствіе, или внутреннее сознаніе всего, что онъ въ силахъ совершить, данъ ему разумъ, коего отличительное свойство есть безостановочное движеніе, стремленіе къ возможнымъ усовершенствованіямъ, которыми подаются впередъ по мѣрѣ, какъ присвоиваешь ихъ постепенно и благовременно. Человѣку, въ силу закона возвышенной природы его, не довольно, когда ему хорошо, онъ долженъ всегда искать лучшаго. Когда онъ повинуется благоразумію, онъ, въ стремленіи къ лучшему, не жертвуетъ хорошимъ, которое уже его, но и не отвергаетъ надежды, ибо умственная природа его есть возрастающая. Промысль одарилъ и нѣкоторыхъ животныхъ творческою дѣятельностью, предъ которою наша смиряется въ изум-

леніи, но дѣятельность эта не имѣетъ растительности, не имѣетъ грядущаго и поражена бесплодіемъ неподвижности. Какъ ни изумительны труды бобра, пчелы, созидающей свое прочное и красивое зданіе, но каковы были строенія эти въ первые дни творенія, таковы они и нынѣ, послѣ многихъ тысячелѣтій, таковы будутъ и до скончанія вѣковъ. Нѣтъ, человекъ есть существо нравственное; слѣдовательно, все, что безъ нарушенія нравственности, главнаго условія человѣческой природы, содѣйствуетъ къ упроченію благосостоянія его, должно непосредственно, или косвенно, но окончательно, обратиться въ пользу и самой нравственности, начала и цѣли его земного существованія. Заключать иначе было бы клеветать на Провидѣніе, ибо одаривъ человекъ подвижностью и стремительною ловкостью, не могло оно поставить нищету и ограниченность, слѣдственно закоснѣлость, условіемъ нравственнаго его достоинства. Человекъ—хозяинъ природы, и чѣмъ лучше устраиваетъ онъ свое хозяйство, тѣмъ вѣрнѣе исполняетъ онъ свое земное предназначеніе*).

Нигдѣ примѣненіе сихъ началъ не можетъ быть такъ удобно и понятно, какъ въ Россіи. Россія во многихъ отношеніяхъ еще новый міръ, который долженъ быть разработанъ промышленностью. Обширность Государства, разнообразіе климатовъ, народонаселеній, языковъ, вѣроисповѣданій, понятій, правъ, нравовъ, сіе болѣе смѣшеніе, нежели соединеніе исторической древности съ молодостью гражданственною, не столько развившеюся изъ столѣтняго корня, сколько привитою къ нему, сіе неравенство въ успѣхахъ гражданственности, такъ что одно званіе отъ другого, одна губернія отъ другой отдѣлены не столько политическими правами или географическими разстояніями, сколько столѣтіями въ образованности,—все сіе не позволяетъ подводить этотъ міръ, сплоченный изъ противорѣчій, подъ одинъ общій законъ просвѣщенія, не позволяетъ требовать отъ сего державнаго Великана, старца и отрока въ одно время, полного согласія и единства въ проявленіи его нравственныхъ и умственныхъ силъ. Но за то Россія тѣмъ удобнѣе къ водворенію практическаго просвѣщенія, которое прививается скорѣе и болѣе зависитъ отъ воли и способовъ прави-

*) Эту мысль можно сосредоточить въ слѣдующую формулу: съ наименьшими средствами большіе результаты—по русскому выраженію народному: копейку ребромъ поставить.

тельства. Нравственное и политическое образованіе Государства не можетъ быть нечаяннымъ событіемъ, выраженіемъ одной мысли, послѣдствіемъ одной воли. Нравы не созидаются вліяніемъ правительствъ, какъ ни будь благонамѣренны виды и ни могущественны средства ихъ, но покоряются въ этомъ отношеніи неизбѣжнымъ, ничѣмъ не предупредимымъ законамъ времени и порядка общаго. Образованность же (то есть, благосостояніе народное, ибо нѣтъ другой образованности истинной въ политическомъ смыслѣ), слѣдующая за промышленностью, образованность, которую наименовали мы практическимъ просвѣщеніемъ, чтобы отдѣлить ее отъ просвѣщенія болѣе умозрительнаго, чѣмъ положительнаго, поддается послушнѣе нашимъ усиліямъ. Польза ея говорить явственнѣе и языкомъ болѣе общепонятнымъ. Сія образованность есть часто нечаянный, но зрѣлый плодъ хорошаго, благовременно изданнаго коммерческаго учрежденія, нѣкоторыхъ правъ, законныхъ поощреній, дарованныхъ промышленности и торговлѣ, согласно съ истинными потребностями и выгодами народа и Государства. Такимъ отношеніемъ правительство можетъ точно преобразовать бытіе государственное въ извѣстный срокъ: можетъ населить и оживить пустыни, обогатить города, обстроить села, разливать благодѣянія довольства по званіямъ общества, неприхотливымъ въ требованіяхъ своихъ, искоренивъ невѣжество—стихію всякаго зла, праздность—мать всѣхъ пороковъ, и замѣнивъ ихъ бодрымъ трудолюбіемъ и благонамѣреннымъ просвѣщеніемъ—ручательствомъ порядка и политическаго долгоденствія правительствъ и народовъ.

Вопросъ, что такой-то державѣ не лучше ли быть исключительно земледѣльческою, или исключительно мануфактурною—давно разрѣшенъ на дѣлѣ *). Раздѣленіе работъ конечно въ частной дѣятельности, но оно не сбыточно въ примѣненіи къ народамъ. Нельзя раздѣлить родъ человѣческій на непремѣнные цехи, или, какъ въ оркестрѣ роговыхъ инструментовъ, осудить каждый изъ нихъ брать всегда одну ноту и выражать одинъ звукъ. Во всякомъ случаѣ сей вопросъ не

*) Мнѣ кажется, всю эту статью можно преобразовать. Понятія и выраженія сбивчивы и почти противорѣчатъ вышесказанному, которое можно вообще примѣнить къ *промышленности* въ обширномъ смыслѣ. Вдругъ переходъ къ промышленности фабричной; раздѣленія съ земледѣліемъ уже не дѣлается, и понятія о государственномъ земледѣліи и торговлѣ устарѣли.

идеть къ Россіи; въ ней есть время и мѣсто для всего. Опреѣленные, готовыя систѣмы ей не по росту, онѣ не могутъ обнять ее, какъ ни прикладывай ихъ, какъ ни растягивай, а все она съ какой нибудь стороны, но выдаться. Она переросла всѣ общекритическія мѣрки, всѣ извѣстные вопросы, ушла отъ всѣхъ вычисленій, выводимыхъ обыкновенными смѣтами соображеній. Къ тому-же Русскій созданъ промышленникомъ: онъ переимчивъ и предпріимчивъ. Таковъ онъ по способностямъ ума своего, таковъ и по необходимости своего физическаго положенія. Разстоянія между селеніями и городами, продолжительность зимъ, неудобность сообщеній—все понуждаетъ его многосложитъ свою дѣятельность и быть на всѣ руки. За то сколько сторукихъ, энциклопедическихъ ремесленниковъ найдете вы по деревнямъ, гдѣ и нѣтъ еще мануфактурныхъ заведеній. Что же быть должно, когда этимъ врожденнымъ способностямъ дастся опытное направленіе, когда принаровленное къ понятіямъ и къ потребностямъ ученіе распрямить заблужденія невѣжества и предразсудки самоучки*)? Если Русскій въ состояніи сдѣлать многое на авось, то что будетъ онъ способенъ сдѣлать на вѣрное? Въ наукѣ есть расчетъ, въ самоучкѣ удача. Нѣтъ сомнѣнія, что нужно намъ приобрѣсти еще многое, чтобы научиться пользоваться тѣмъ, чѣмъ владѣемъ, а именно нужно учиться. Многія фабрики наши въ управленіи у людей безграмотныхъ, и дѣло идетъ хорошо. Это явленіе любопытное и достойное замѣчанія, но не поощренія и подражанія. Мы видимъ слѣшцовъ, которые съ успѣхомъ занимаются руководѣліями, это прекрасно, но изъ того не слѣдуетъ, чтобы зрячему не легче было достигнуть до искусства. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи мануфактурная промышленность имѣетъ большое вліяніе на общее просвѣщеніе. Фабрика не можетъ существовать безъ нѣкотораго числа людей, умѣющихъ читать, писать и считать, слѣдовательно, безъ людей достойныхъ имени своего, ибо грамота есть неминуемое пополненіе дара слова, коимъ Творецъ отличилъ человѣка отъ прочихъ тварей. Здѣсь встаетъ изъяснить желаніе, чтобы изданы были у насъ для простонароднаго употребленія нѣсколько технологическихъ руководствъ по разнымъ частямъ ремеслъ и художествъ.

*) Патріотическая выходка не совсѣмъ точна, потому что русскій самоучка не ремесленникъ, а таковъ всякій народъ, находящійся на одинаковой степени образованности.

Примѣчаніе неизвѣстнаго.

Нашему мастеровому негдѣ повѣрять свои догадки, не на чемъ утвердиться, онъ долженъ руководствоваться одними изустными преданіями и держаться того, что затвердилъ онъ въ ученикахъ. Если нѣкоторые изъ журналовъ нашихъ и содержатъ технологическія статьи, то не простымъ ремесленникамъ ими пользоваться: во первыхъ, весьма немногіе въ состояніи платить подписную цѣну журнала, во вторыхъ, статьи писаны обыкновенно языкомъ не понятнымъ для простолюдиновъ, а притомъ нѣтъ и не можетъ быть у насъ журнала, посвященнаго единственно такой то отрасли промышленности, или искусственности. Безъ необходимыхъ свѣдѣній всѣ средства физическія и нравственныя въ народѣ бесплодны, или мертвые капиталы. Омраченная невѣжествомъ, праздною и суетвѣріемъ Испанія умирала съ голода на золотой почвѣ своей, какъ скупецъ на мѣшкахъ съ деньгами, которыхъ онъ въ пользу употребить не умѣеть.

Промышленность наша не имѣетъ корней своихъ въ старинѣ, не имѣетъ за себя давности—исторической. Предки наши знали болѣе одни промыслы рыбные, звѣриные и заграничную торговлю. Оно такъ быть и надлежало: промышленность и дѣятельность торговли внутренней уже плоды высшей образованности. Нѣтъ почти ни одного дикаго народа, который не имѣлъ бы торговли съ сосѣдями, или пріѣзжими купцами, но многія и устроенныя державы нуждались долго въ выгодахъ, кои неминуемо слѣдуютъ за водвореніемъ мануфактурной промышленности и внутренней торговли. Мы однако же усматриваемъ изъ исторіи, что нѣкоторые руководѣлія были извѣстны предкамъ нашимъ и въ отдаленныя времена. Напримѣръ, искусство золотошвейное, доставлявшее древнимъ княжескимъ... почетныя украшенія для одежды ихъ, было въ употребленіи въ Россіи, прежде нежели во многихъ другихъ земляхъ Европейскихъ. Уже въ 1432 году существовали въ Москвѣ фабрики суконныя, которыя были разорены и выжжены Тахтамышемъ. Но истинныя основанія промышленности нашей были положены Петромъ, коего живоначалное имя сопряжено со всѣми успѣхами нашими на поприщѣ образованности государственной и гражданственной. Куда ни пойдешь въ Россіи, вездѣ найдешь глубокіе и вѣрные слѣды богатырской ноги его, до чего ни дотронешься, нигдѣ еще не остыло впечатлѣніе его мощной и пламенной руки.

III.

ПИСЬМА В. П. ТИТОВА КЪ КНЯЗЮ П. П. ВЯЗЕМСКОМУ.

1.

Буюкдере, 14-го іюня (1850), вечеромъ.

Пароходъ за свѣжимъ вѣтромъ бросилъ противъ насъ якорь на ночь. А тутъ весьма кстати привезли изъ города прилагаемыя два письма, оба запоздалыя, изъ Іерусалима. Согласно разрѣшенію вашего Батюшки, я прочелъ ихъ громко въ присутствіи жены и Трубецкаго⁷⁾. Затѣмъ спѣшу запечатать и отослать на пароходъ, при усердномъ и нѣжномъ поклонѣ вамъ, милой вашей Княгинѣ и дѣтямъ.

Судя по позднѣйшимъ письмамъ отъ вашихъ изъ Бейрута, мы надѣемся скоро ихъ видѣть здѣсь и авось опять пожить нѣсколько недѣль вмѣстѣ. Будьте оба здоровы, счастливы и не совѣмъ забывайте преданнаго вамъ В. Титова.

2.

Буюкдере, 4-го августа, 1850.

Любезнѣйшій князь Павелъ.

Ваши добрые родители сегодня покидаютъ насъ. Весьма грустно, безъ фразъ. Въ утѣшеніе я сегодня пишу Катеринѣ Андреевнѣ Карамзиной. Она въ деревнѣ, и я навѣрное не могъ узнать, за нею ли еще домъ Бибикова на Пустомъ рынкѣ, и если за ней, то существуетъ ли тамъ лѣтомъ хоть одна приказная душа для аккуратнаго принятія и пересылки моей грамоты. По этому прилагаю ее здѣсь, но съ условіемъ и просьбой переслать вѣрнымъ путемъ, безъ залежательства.

Жена моя и азъ благодаримъ за письмо ваше отъ 3 іюля. Я до толѣ уже излагалъ, и нынѣ повторяю богамъ Олимпійскимъ мои мысли о временномъ устройствѣ вашей заграничной служебности въ Питерѣ. Надѣюсь, что боги найдутъ способъ, лишивъ васъ турецкихъ окладовъ за время невольной вашей бытности на Русскомъ Сѣверѣ, сохранить вамъ занимаемую при миссіи штатную вакансію, такъ чтобъ, до лѣтнихъ жаровъ будущаго года, вы могли снова обрѣсти себя въ нашихъ объятіяхъ у живописныхъ береговъ вѣковѣчнаго Стамбула, округливъ на досугъ семейныя, хозяйственныя и прочія дѣла, какъ ваши, такъ

и милой вашей Княгини, которой прошу поднести при этомъ случаѣ мое душевно-нѣжное почтеніе, пожелавъ ей отъ меня и жены „добраго успѣха и помощи Божіей“.

Вы столь неопозволительно-скромнымъ и недовѣрчивымъ къ себѣ способомъ пишете о себѣ самомъ, что если не знать васъ, можно бы подумать, что напрашиваетесь на комплименты. Прощаясь на пароходѣ, я изъ полноты сердца исповѣдался вамъ въ томъ, что думаю и ощущаю на счетъ вашей карьеры. Бюрократическая дѣятельность едвали когда будетъ вашею спеціальностію. Скучно; однако и ею пренебрегать не должно: пригодится. Но ваша часть—*par excellence*—*любить и изучать* историческія и современныя примѣчательности странной земли и странныхъ людей, посреди коихъ судьба привела насъ выжить съ вами 7 лѣтъ и можетъ быть еще приведетъ прожить столько же, а пожалуй съ помощью Аллаха и болѣе. Поэтому я люблю видѣть въ васъ одно изъ весьма рѣдкихъ въ наше время, но весьма частыхъ въ старину, звѣнчьевъ между Босфоромъ и матерью—Россіей.

Довольны ли вы? Согласны ли, что при такомъ существѣ карьеры, *форма* рано ли, поздно сама собой устроится, и ни служба, ни вы въ накладѣ не будете. Поклонитесь четѣ Голицыныхъ. Мы часто тоскуемъ о здоровѣи кн. Вѣры и не понимаемъ, что у нея за слабость къ поддѣльнымъ Петербургскимъ водамъ вмѣсто настоящихъ Нѣмецкихъ⁸). Преданный вамъ В. Т.

ПИСЬМА А. Я. БУЛГАКОВА КЪ КНЯЗЮ П. П. ВЯЗЕМСКОМУ⁹).

1.

Шеметово, 9-го іюля 1850.

Исполняю препорученіе князя П. А. Вяземскаго и выписываю слова изъ письма его ко мнѣ изъ Перу ^{24 іюня}/_{6 іюля}: „Мы сейчасъ благополучно возвратились въ Перу и съ Божіимъ благословеніемъ совершили свой крестовый походъ. Не знаю, гдѣ теперь сынъ мой и гдѣ Карамзины, можетъ быть и въ Москвѣ, и зная, что ты всевѣдущій почтдиректоръ, прошу тебя дать имъ знать *письменно* или *устно* о нашемъ прибытіи сюда. Думаемъ пробыть здѣсь недѣли двѣ или три“.

Сожалѣю, что письмо это получилъ я не въ ту минуту, какъ уѣзжалъ я изъ Москвы, но здѣсь въ Туляковской (?) у дочери, коей празднуемъ мы послѣзавтра именины. Чтобы выиграть нѣсколько дней, я спѣшу отправить вамъ, любезный князь, сіи строки чрезъ графа Воронцова, который ѣдетъ въ Москву и взялся переслать вамъ это письмо. Надѣюсь видѣть васъ въ Москвѣ, а покуда долженъ довольствоваться обнять васъ заочно.

Весь Вашъ А. Булгаковъ.

2.

Votre papa m'annonce dans le moment son arrivée à Astafiewo. Cette nouvelle m' a fait un bien grand plaisir. Il me demande des journaux, des lettres et des cigarres, je crois que j'irai lui porter tout cela moi-meme, mon impatience de l'embrasser étant bien grande. Voici la lettre du Prince.

Tout à vous A. Bulgakow.

Moscou, le 22 Septembre 1850.

Переводъ:

Вашъ отецъ сейчасъ извѣщаетъ меня о своемъ прибытіи въ Астафѣево. Это извѣстіе доставило мнѣ большое удовольствіе. Онъ проситъ меня прислать журналы, письма и сигары; я думаю, что все это я отвезу ему самъ, такъ какъ сгораю нетерпѣніемъ обнять его. Вотъ письмо Князя.

Весь Вашъ А. Булгаковъ.

Москва, 22-го сентября 1850 г.

ПИСЬМА КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

1.

Одесскій Карантинъ, $\frac{7}{19}$ августа 1850.

Благополучно прибыли мы сюда на Херсонесѣ вчера около полудни. Помѣстились мы въ карантинѣ въ тѣхъ-же комнатахъ, гдѣ и вы жили, и тотъ же гвардіонъ стережетъ насъ. Карантинъ очень чистъ, но все таки грустно возвращаться во свояси черезъ тюрьму. Мы надѣялись найти здѣсь письмо отъ васъ, но до сей поры нѣтъ. И послѣд-

нѣй пароходъ не привезъ намъ письма отъ васъ, впрочемъ и никому въ Буюкдере не было съ нимъ частныхъ писемъ. Это насъ нѣсколько успокоило. Богъ дастъ, не уѣдемъ изъ Одессы безъ добрыхъ вѣстей отъ васъ. Это тѣмъ нужнѣе, что вѣроятно до Москвы не будемъ имѣть писемъ отъ васъ. Пишите къ намъ въ Москву въ концѣ августа чрезъ Бугакова.

Наши прощанія въ Буюкдере были самыя нѣжныя и сердечныя. Титовы и вся миссія обоего пола провожали насъ до Фанараки при лунномъ сіяніи. Мнѣ очень грустно было разстаться съ ними и съ Босфоромъ. Всѣ вамъ кланяются и всѣ зовутъ васъ обратно. Съ Каннингами ¹⁰⁾ прощанія наши были также очень нѣжны. Онъ и она прѣзжали нѣсколько разъ въ Буюкдере къ намъ, и мы ночевали у нихъ въ Терапіи. Однимъ словомъ, мы вывели съ береговъ Босфора самыя пріятныя и дружелюбныя впечатлѣнія. Для тебя, милый Павелъ, ходилъ я въ домъ Спандони и пересмотрѣлъ всѣ углы и норы, и сараи, въ которыхъ мы бивуакировали. Сторожъ дома—не тотъ, что былъ при насъ,—разказывалъ мнѣ съ насмѣшкой, что какіе-то глупые Русскіе князья платили за этотъ анбаръ 25,000 піастровъ и чуть въ немъ не замерзли. Если не буквально передаю тебѣ слова его, то передаю существенный ихъ смыслъ. Твоя маменька торжественно въѣхала въ карантинъ на роспускахъ, въ которые запряжены были два вола, и окруженная горшками со цвѣтами и деревьями. Это могло служить pendant картинамъ Леопольда Роберта. Теперь, кажется, кончились наши живописныя и поэтическія странствованія. Мы входимъ въ колею западной прозы. Жаль, что нельзя прямо изъ-за границы переброситься въ сердце, въ глубь святой Руси, куда нибудь на матушку Волгу, или даже на Москву рѣку. А здѣшняя полу-Россія не шевелитъ ретиваго. Это сѣренькое небо, это сѣренькое море какъ-то грустно смотритъ. Тутъ-же тотчасъ бросается въ глаза мундирная Россія, карантинная и таможенная стража, и вся наша официальность и формальность. Все это поддѣльная, а не коренная матушка Россія, по которой тоскую и которую надѣюсь найти въ незнакомомъ мнѣ Кіевѣ, и въ родной Москвѣ, и въ задушевномъ Остафьевѣ. Обнимаю васъ отъ всего сердца. До свиданія,—дай Богъ, въ добрый часъ. Здѣшній гвардіонъ жалуется на Камила, что онъ его крѣпко обижалъ и увезъ у него двугривенный.

2.

Кіевъ, 2-го сентября 1850.

Вы вѣроятно удивитесь, мои милые, узнавъ, что мы еще не далѣе Кіева, а еще болѣе удивитесь, когда скажу вамъ, что и сюда дотащились мы только вчера ночью. Отъ самаго Николаева далась намъ знать матушка Россія, которая настоящая мачиха для проѣзжающихъ, вѣроятно потому, что любить, чтобы дѣти ея сидѣли дома, а не таскались по всѣмъ сторонамъ. Намъ дали въ Одессѣ почталіона, который долженъ былъ служить передовымъ, и этотъ передовой такъ отсталъ, что вотъ седьмой день, какъ мы не знаемъ, что сдѣлалось съ нимъ и съ нашимъ таранасомъ. Въ таранасѣ изломалось колесо; мы прождали его трое сутокъ въ Бѣлой Церкви и наконецъ просили почтмейстера послать провѣдать, что съ нимъ дѣлается. Нашли на станціи нашего передоваго пьянымъ, а до изломаннаго колеса никто еще не дотрогивался. Между тѣмъ я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы немножко прихворнуть, спасибо нашелся въ Бѣлой Церкви докторъ Браницкихъ, который скоро поставилъ меня на ноги. Впрочемъ, все дѣло было въ легкой простудѣ и въ раздраженіи нервовъ, обыкновенной дорожной болѣзни, когда Богъ приведетъ ѣздить по Россіи, которая прекрасна въ цѣломъ объемѣ, но въ частностяхъ своихъ нигуда не годится. Люби, но не разбирай: вотъ нашъ девизъ. Отъ скуки и досады отправились мы въ Кіевъ безъ таранаса и вотъ живемъ въ Кіевѣ другія сутки безъ таранаса. То-ли дѣло на Востоѣ. Тамъ можно по дорогамъ шею себѣ сломить, или провалиться въ пропасть, но колеса уже никакъ не сломаешь, потому что турки въ эти тонкости не пускаются. А мы дурачье ѣздимъ на колесахъ и въ экипажахъ по землѣ, гдѣ нѣтъ дорогъ и нѣтъ лошадей на почтовыхъ дворахъ, а только развѣшаны по стѣнамъ инструкціи, да приказы разныхъ почтовыхъ начальствъ. Читай, удивляйся бдительности и предусмотрительности начальства, которое на бумагѣ все придумало, и сиди на мѣстѣ, или, если выѣдешь, засядь на первомъ пригоркѣ, потому что лошади худо кормлены и не въ силахъ вывезти.

Сегодня обѣдаемъ у Бибикова⁴¹). Я еще ничего не видалъ въ городѣ. Намъ приготовлены были комнаты въ заведеніи минеральныхъ

вѡдь. Не дурно. Жаль, что мы не указали вамъ писать намъ въ Кіевъ. Но кто же зналъ, что мы такъ долго замѣшкаемся. Впрочемъ, какъ-же бы не знать или предвидѣть? Говорятъ, что языкъ доведетъ и до Кіева. Такъ, но почтовые лошади хуже языка, онѣ съ большимъ трудомъ довозятъ до Кіева. Погода вдругъ измѣнилась: 21-го числа было въ Одессѣ еще жарко, а 22-го сдѣлалось холодно и холодъ продолжается. А что съ вами дѣлается, мои милые? Грустно быть безъ вѣсти объ васъ. Во всякомъ случаѣ пробудемъ здѣсь еще дня три или четыре. Нѣжно васъ всѣхъ обнимаю.

Притиска княгини Вѣры Федоровны.

и я также; n'avez aucune inquiétude pour mon mari; cela va Dieu merci très bien, mais il est horriblement impatient en route, et comme c'est au contraire le seul moment de la vie où je ne le soie pas du tout, j'espère que ce sera une compensation. Ce qui me contrarie seulement, c'est que nous serons longtemps sans avoir de vos nouvelles. Vu que d'ici nous allons par Тула à Жарки et puis par Kalouga à Ostafievo. De la il faudra que nous accusions Boulgakoff de notre arrivée, alors seulement nous pourrons avoir vos lettres. Nous n'avons plus de possibilité de rester à la campagne vu que la saison est si avancée, mais malgré cela je n'espère point que nous vous arrivions avant la mi-October, à moins que la chère Marie n'accouche avant, je ne veux pas renoncer à une position de M-me..... près d'elle. Nous vous embrassons tous et toutes.

Переводъ:

и я также; не беспокойтесь о моемъ мужѣ; слава Богу, все идетъ очень хорошо; только онъ ужасно нетерпѣливъ въ дорогѣ, а такъ какъ я, въ жизни своей, наоборотъ только въ пути совѣмъ не нетерпѣлива, то я надѣюсь, что это будетъ равновѣсіемъ. Мнѣ только досадно, что мы будемъ долго безъ извѣстій о васъ, такъ какъ отсюда мы ѣдемъ черезъ Тулу въ Жарки и черезъ Калугу въ Остафьево. Оттуда надо будетъ сообщить Булгакову о нашемъ приѣздѣ, и только тогда можемъ получить ваши письма. У насъ нѣтъ болѣе возможности оставаться въ деревнѣ благодаря позднему времени года, но не смотря на это, я не надѣюсь приѣхать къ вамъ раньше половины октября,

развѣ что милая Мари*) родитъ раньше этого; я не хочу отказаться отъ роли Г-жи.... при ней. Цѣлуемъ васъ всѣхъ.

3.

Кіевъ, 9-го сент. 1850.

Кажется, сегодня отправляемся далѣе. Не смѣю сказать рѣшительно: ѣдемъ, потому что у насъ все что-то не клеится въ дорогѣ. Тарантасъ съ вещами отправили мы по конторѣ транспортовъ; одною заботою меньше. Женѣ лучше. Въ ногѣ боль очень уменьшилась.

Сейчасъ былъ у насъ Валеріанъ Канеринъ¹²⁾. Онъ сказалъ намъ, что недавно видѣлъ тебя у Дюссо. Это даетъ намъ надежду, что ты здоровъ. Обнимаемъ тебя и васъ всѣхъ нѣжно.

4.

Остафьево, 22-го сент. 1850.

Мы сейчасъ пріѣхали, то есть, въ десять часовъ утра; нашли комнаты отопленными и надѣмся отдохнуть здѣсь нѣсколько дней, не трогаясь съ мѣста. Посылаю въ Москву справиться, нѣтъ ли письма отъ тебя. Въ Жаркахъ¹³⁾ имѣли мы довольно старое письмо отъ васъ и нетерпѣливо желаемъ знать, что съ вами дѣлается. Погода очень хороша. По утрамъ морозитъ, но зелени еще много. Продолжай писать на имя Булгакова. Мои письма съ дороги адресоваль я тебѣ въ Азіатскій департаментъ. Нѣжно васъ обнимаю.

Притиска княгини Впры Оедоровны.

Au nom du ciel, Marie, engagez Paul à ne vous défendre de m'envoyer ni vieilles, ni véhémentes lettres etc..... elles sont toutes neuves, bonnes, charmantes. Des nouvelles, au nom du ciel, des nouvelles détaillées sur vous tous, que j'embrasse mille et mille fois.

Переводъ:

Ради всего святого, Мари, уговори Павла не запрещать тебѣ посылать мнѣ старыя и сердитыя письма и проч..., они всегда новыя, добрыя, прелестныя. Давайте извѣстія, во имя всего святого, давайте подробныя извѣстія о васъ всѣхъ, которыхъ цѣлую тысячу и тысячу разъ.

*) Княгиня Марія Аркадіевна Вяземская. Н. В.

5.

Москва, 28-го сент. 1850.

Я приѣхалъ въ городъ дня на два, а жена осталась въ Остафьевѣ. Все это время были мы въ деревнѣ не одни. Приѣзжали Булгаковъ, Мухановъ¹⁴⁾, Полтарацкій¹⁵⁾, Лодомирскіе*), Четвертинскіе, к. Оедоръ¹⁶⁾. Здѣсь я почти никого еще не видалъ, хотя отъ нечего дѣлать былъ вчера въ театрѣ, но грустно было и на сценѣ и въ публикѣ видѣть все новое и незнакомое поколѣніе мнѣ, московскому старожилу. На театрѣ видѣлъ я внучекъ—именно внучки бабушекъ, которымъ я во время оно аплодировалъ. Встрѣтился я тамъ и познакомился съ Дмитріемъ Столыпинымъ¹⁷⁾, котораго прежде не зналъ или зналъ только съ виду. Погода здѣсь прелестная, красные и теплые дни, и много еще зелени на деревьяхъ, такъ что деревня очень еще пріятна. Изъ Константинополя давно не имѣемъ никакихъ извѣстій. Сдѣлай, Павлуша, доброе дѣло. Отыщи Дмитрія Александровича Давыдова¹⁸⁾, отца Ростислава. Онъ, говорятъ, умираетъ, т. е. отецъ, и едвали не одинъ въ Петербургѣ, безъ родныхъ и пріятелей. Можешь узнать о жительствѣ его въ домѣ Бобринскихъ, или к. Софіи Шаховской. Пускай Камиль не беспокоится, я заплатилъ за него двугривенной, но все совѣтую впередъ быть осторожнѣе, а барышнѣ совѣтую не колоть сестрѣ глаза, ни тѣмъ, что она барышня, ни перьями. Всѣхъ васъ нѣжно обнимаю.

6.

Москва, 11-го окт. 1850.

Мы выѣхали вчера изъ Остафьева съ солнцемъ, съ морозцемъ и съ снѣжкомъ, такъ что мнѣ очень жаль было оставить деревню, потому что я люблю первый снѣгъ, а не люблю только десятый, двадцатый и такъ далѣе снѣгъ, то есть, просто сказать, не люблю зимы.

Какъ-же вы не получали нашихъ двухъ писемъ изъ Кіева, въ которыхъ свазывалъ вамъ, что жена страдаетъ ревматизмомъ въ ногѣ?

*) Сестра княгини В. О. Вяземской, княжна Софія Оедоровна была замужемъ за Лодомирскимъ. Дѣти ихъ: княгиня Зинаида Васильевна Голицына, графиня Софія Васильевна Апраксина, Петръ Васильевичъ Лодомирскій. Имѣніе ихъ, въ которомъ они жили, село Братцово въ Московской губерніи. (Примѣчаніе графини Е. П. Шереметевой.)

Обѣдаю сегодня въ 3 часа у к. Андрея Петровича Оболенскаго¹⁹⁾. Вотъ это старая Москва. Вечеромъ въ театрѣ: танцуетъ Фанни Эльслеръ. Вотъ это новая Москва. Везу тебѣ старыя Остафьевскія медали, а Линде у меня въ Петербургѣ²⁰⁾. Нѣжно обнимаю васъ. Приѣхавшая вапа кормилица изображаетъ питомку свою въ самыхъ восхитительныхъ краскахъ.

7.

Москва, 19-го октября 1850.

Жена сердится, ругается, только, что не бьетъ меня, торопитъ ѣхать. Я и самъ желалъ бы ѣхать, но что-же дѣлать? Мнѣ даютъ обѣдъ здѣшніе литераторы и пріятели. По разнымъ обстоятельствамъ этотъ обѣдъ все откладывали. Теперь рѣшено, что обѣдаемъ въ субботу. Сейчасъ была у меня депутація: Шевыревъ, Павловъ и Новосильцовъ (управляющій губерніею!—прошу не шутить этимъ обѣдомъ) и пригласили меня. Будутъ на обѣдѣ и дамы, то есть сестры жены, а жена не ѣдетъ, и дамы литераторши, то есть, кажется, одна Павлова, потому что Ростопчина больна²¹⁾. Такимъ образомъ отправляемся въ Петербургъ во *вторникъ*, если Богъ дастъ. А какъ ѣдемъ? Богъ вѣсть! Здѣсь настоящая зима, и на колесахъ ли ѣхать, или на саняхъ, дѣло неизвѣстное. Съ нынѣшняго дня зима, кажется, начинается сходить. Николай Мухановъ²²⁾ сидитъ теперь у меня и тебѣ кланяется. У жены теперь гости, ногѣ ея лучше. Но она никуда не выѣзжаетъ. Обнимаю васъ, мои милые.

Притиска княгини Вѣры Федоровны.

Je vous embrasse tendrement, chers amis; j'espère faire partir votre nourrice aujourd'hui. Отъ ранней зимы прекратились сношенія съ Одессой, les diligences n'y vont plus, nous avons trouvé un извозчикъ, qui se charge de l'y mener.—J'ai vu M-r Dmitry Stolipine qui est resté cinq minutes chez moi, il retourne à Pétersbourg dans trois semaines,—et nous je n'ose plus dire quand, vu cette abominable neige.

Переводъ.

Нѣжно цѣлую васъ, милые друзья; я надѣюсь сегодня отправить вашу кормилицу. Отъ ранней зимы прекратились сношенія съ

Одессой, дилижансы туда болѣе не ходятъ; мы нашли извозчика, который берется ее туда доставить. Я видѣла г-на Дмитрія Столыпина, который пробылъ у меня пять минутъ; онъ вернется въ Петербургъ черезъ три недѣли, а мы, я даже не смѣю сказать, когда, благодаря этому несносному снѣгу.

IV.

Письмо А. А. Бестужева.

23-го мая 1823 года.

Простите меня, любезнѣйшій Князь изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ князей, что давно не писать къ вамъ; тому причиной было публичное засѣданіе Общества²³). Я поджидалъ окончанія, чтобы рапортовать вамъ объ успѣхѣ; теперь начинаю хотя и не отъ лицъ Леды, хотя и не отъ лицъ прошедшей Святой недѣли, но почти съ того же—съ предъуготовительныхъ собраній, которыя были весьма бурны.

Надо вамъ сказать, Князь, что у насъ въ Обществѣ, Богъ вѣсть отъ чего, завелись партіи. Гнѣдичъ, котораго смѣнили съ вице-президенства, есть посеребренная пружина первой. Онъ посредствомъ Дельвига и Плетнева какъ сквозь рѣшето просѣваетъ слухи, которые отравляются, пройдя змѣинный ротъ Воейкова. Слѣдствіемъ оныхъ было неудовольствіе Ѳ. Глинки на Греча и на Общество, которые, какъ онъ думаетъ, желаютъ его затмѣнія. Другая партія есть партія положительнаго безвкусія; у ней голова князь Цертелевъ²⁴), а хвостъ (тѣла нѣтъ) Борисъ Ѳедоровъ²⁵) и еще два или три поползня. Есть и цензурные, или лучше сказать, полицейскіе партизаны, именно Вороновъ; прочіе суть благомыслящіе гласные, полугласные и безъ словъ. Число послѣднихъ статистовъ, какъ водится, есть наибольшее.

Сперва споры были назначить или неназначить публичнаго чтенія. Тому иные противились, потому что сами ничего не сдѣлали: другіе сомнѣвались, сдѣлаютъ ли что-нибудь путное остальные; но какъ всякій изъ званныхъ хотѣлъ попасть въ избранные, большинство рѣшило: назначить. Пошелъ переборъ пьесъ. Я предложилъ между прочими и вашу отрывокъ изъ біографіи почтеннаго нашего поэта И. И. Дмитріева, но какъ рукопись была въ цензурѣ, онъ до

послѣдняго засѣданія не былъ читанъ. Въ послѣднее я предложилъ Обществу исключить изъ числа назначенныхъ для чтенія пьесъ разборъ одъ Державина Цертелевымъ, чистой вздоръ, гдѣ кромѣ: *прекрасно, неподражаемо, божественно*, забавнаго было одно имя сочинителя. Но чтобъ не показать пристрастія, и свой *2-й Вечеръ на Бивуакахъ*. Цертелевъ возрился (sic), шумѣлъ, защищалъ красоту своей пьесы, возсталъ противъ неформы суда, однакожь шары покатались, и онъ слегъ кубаремъ. Въ слѣдъ за этимъ Гречъ читалъ вашъ отрывокъ—Цертелевъ воскликнулъ противъ неформы, говоря, что теперь уже поздно назначеніе, но я доказывалъ неправду, Гречъ настоялъ въ исполненіи, а пьеса избрана была 19-ю противъ 4-хъ. Собраніе исполнилось 22-го маія (т. е. вчера) въ залѣ Державиной²⁶⁾. Народу было много, мелькали и звѣзды и перья и султаны,—чтеніе началось въ 7^{1/2} часовъ. Гречъ изложилъ во введеніи занятія и цѣль Общества и кончилъ благодарностію Общества Предсѣдателю, который по болѣзни не могъ теперь присутствовать. (Вообразите, Князь, что предложеніе благодарности Θ. Глинеѣ нашло противниковъ въ Обществѣ. Но лѣвая (т. е. правая) сторона восторжествовала, онъ теперь не былъ изъ каприза; но со всѣмъ тѣмъ Общество обязано ему благодарностію за труды и согласіе, а за рѣдкой его нравъ—уваженіемъ. Гнѣдичъ съ причтомъ не былъ тоже).

Булгарина статья была очень занимательна, однакожь у насъ еще не умѣютъ цѣнить историческихъ занятій²⁷⁾. Туманскому²⁸⁾ аплодировали, и стоять; были звонкіе стихи и новыя картины. Корниловичъ²⁹⁾ всѣмъ понравился, его читалъ мой братъ³⁰⁾ очень внятно. Рылѣва *Ссылный* полонъ благородныхъ чувствъ и рѣзкихъ возвышенныхъ мыслей—принять съ душевнымъ ободреніемъ³¹⁾. Никитинъ читалъ вашу статью—она всѣмъ понравилась, и потому что просто высказано, и потому что любятъ героя оной³²⁾. Рукоплескали. Я прочелъ Пушкина маленькую піеску: *Прощаніе съ жизнію*. Пушкинъ вездѣ Пушкинъ. Лобанова переводъ изъ Оедры—хорошъ³³⁾. Борисъ Оедоровъ—гадокъ, словесной воръ и отецъ претовратительной—не знаю, какъ и когда прошла сквозъ оппозицію его пьеса. Въ заключеніи Измайловъ смѣшилъ болѣе своею тушею, чѣмъ стихами³⁴⁾. Но вообще публика была довольна очень, и все прошло прекрасно. Просить поскорѣе еще.

Вотъ, любезный Князь, вѣсти объ засѣданіи; теперь пойдутъ кумовства и вѣсточки. Просьба или, лучше сказать, жалоба ваша лежитъ у министра, *чающа движенія воды*. Но ни одинъ ангель не сходитъ возмутить ее. Даже А. И. Тургеневъ ничего не дѣлаеть; а цензура дѣлаеть свое³⁵). Замячанія ея на піесу Олина классической глупости и варварскаго деспотизма³⁶).—Критика ваша на Булгарина прекрасна и здѣсь ходитъ по рукамъ прежде растлѣнія, хотя я и не со всѣмъ согласенъ, но силою доказательствъ и слогомъ вашимъ доволенъ, какъ нельзя больше, и больше гораздо прежняго. Она пропущена, разумѣется, съ нѣкоторыми пропусками³⁷). Ваше посланіе³⁸) зацѣпиль князь Цертелевъ, человекъ, какъ видно изъ его твореній, ничтожный, съ лубочнымъ вкусомъ, а какъ замѣтно изъ его поступковъ и мнѣній—способный на всякое низкое дѣло. Онъ малороссіянинъ. Измайловъ, какъ видно, хотѣлъ иронизировать цензуру, да самъ, обрѣзанный ею, напечаталъ ей акаѳистъ; простите ему это забавное прегрѣшеніе—онъ предоброй человекъ.—Впрочемъ, кромѣ приказовъ Уварова³⁹), здѣсь нѣтъ никакихъ литературныхъ новостей. Я стыжусь говорить о себѣ, ничего не дѣлая, ни о чемъ не заботясь. Генерала своего я уже оставилъ дней 12-ть. Ищу другаго мѣста, потому что вступать во фронтъ не охотникъ, да и кому охота жить съ конями и съ лошадиными офицерами! Эта нерѣшительность вредитъ мнѣ, и я веду каждой день до вечера.

Благодаря васъ, князь Петръ Андреевичъ, за письмо ваше, прошу удостоить повтореніями; каждое изъ нихъ мнѣ подарокъ. Пишите ко мнѣ, пишите для публики, для Полярной Звѣзды. Она уже формируется⁴⁰). Будьте счастливы, князь, этого желаетъ истинно привязанный къ вамъ Александръ Бестужевъ.

Р. С. Еще отвѣтець: Защитникъ мой, ломавшій за меня съ Жандромъ указки, былъ Яковъ Толстой. Прекрасной малой—но, какъ видите, плохой критикъ. Я съ нимъ мало знакомъ⁴¹).—Комедію: *Гобмейстеръ*, поищу, хотя весьма сомнѣваюсь успѣть въ поискахъ. Объ ней, что называется, и слухъ простылъ, не только слѣдъ⁴²).

ПУШКИНЪ.

Пушкинъ.

Предисловіе. „Изъ написаннаго Пушкинымъ, много затеряно, многое до сихъ поръ находится подъ спудомъ, благодаря безопасности и распущенности лицъ, владѣющихъ автографами покойнаго поэта.“

(Стр. VI).

Нѣкоторые лица, владѣющія важными матеріалами, завистливо хранятъ ихъ въ своемъ портфель, и, не дѣлая изъ нихъ сами никакого полезнаго употребленія, упорно отказываются подѣлиться ими съ кѣмъ бы то ни было... Подобный образъ дѣйствій... напоминаетъ извѣстную басню Эзопа: Собака на сѣнѣ.

(Стр. VI—VII).

„Анненковымъ положительно доказано, что стихотворенія: „Цѣль нашей жизни“, „Гараль и Гальвина“, „Не помнишь ли ты, ваше благородье“...—также не принадлежатъ Пушкину.“

(Стр. X).

Для чего тебѣ, о Вигель.

(Стр. XI).

Князь Вяземскій.

Не думаю.

И это не вѣрно; не думаю, чтобы осталось что въ портфеляхъ.

Рѣшительно Пушкина. Онъ мнѣ ихъ читалъ. Это подражаніе пѣсни:

T'en souviens tu etc.

Беранже, котораго Пушкинъ не любилъ.

Кажется Пушкина.

Къ Олениной, которой Митрополитъ прислалъ плодовъ изъ своего сада.

(Стр. 5).

Отъ всенощной, вечеръ, идя
домой...

(Стр. 6).

Вольность.

Хочу воспѣть я вольность міру...
(Стр. 13).

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго Галла, (ibid.).

Ты ужасъ неба, срамъ природы.

(Стр. 15).

Когда на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сіяетъ и пр.

(Стр. 16).

Кинжалъ.

О, Зандъ! твой вѣкъ угасъ на плахѣ.
Но добродѣтели святой
Остался блескъ въ казненномъ прахѣ:
Въ твоей Германіи ты грозной тѣнью
сталъ,

И на торжественной могилѣ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

(Стр. 18—20).

Сказали разъ царю...

(Стр. 21).

Десятая Заповѣдь.

(Стр. 27—28).

Кажется не Олениной, а Огаревой Елисаветѣ Сергѣевнѣ, которую Пушкинъ могъ встрѣчать у Карамзинныхъ.

Едва ли Пушкина, окромѣ двухъ послѣднихъ стиховъ все прочее довольно вяло.

Кажется лучше было бы сказать:

Хочу воспѣть свободу міру.

Позднѣе Пушкинъ не писалъ бы этихъ двухъ Херасковскихъ стиховъ.

Пустыя слова.

Едва ли не лучшая строфа. Тутъ Пушкинъ былъ дома, живописецъ слова... За исключеніемъ нѣкоторыхъ сильныхъ и счастливыхъ стиховъ остальное довольно слабо.

Глупое преступленіе Занда не стоило такихъ восторженныхъ стиховъ. Если нашелся бы убійца на Булгарина, сталъ ли бы Пушкинъ воспѣвать и его?

Рѣчь идетъ о графѣ (князѣ) Воронцовѣ.

Послѣдніе 4 стиха какъ-то не вляются къ предыдущимъ,

Иной имѣлъ мою Аглаю.

На Давыдова жену, Александра
(Стр. 29). Львовича, впоследствии выпешшую
замужъ за Себастьяни.

Къ Северину.

Твой дѣдъ портной *и пр.*

(Стр. 49).

Не смотря на эти стихи, о ко-
торыхъ Сѣверинъ вѣроятно зналъ,
онъ прислалъ мнѣ 100 р. серебр.
изъ Мюнхена на памятникъ Пуш-
кина, какъ только была обнародо-
вана подписка. „Хотя Пушкинъ
меня и не жаловалъ“, писалъ онъ
(или что-то подобное), „посылаю
тебѣ“ и проч. А что дѣлается съ па-
мятникомъ и съ собранными день-
гами? Все кануло въ воду.

Конецъ стихотворенія Вишня.

(Стр. 71).

Не могъ въ 1815 году Пуш-
кинъ написать такіе безобразные
стихи—развѣ гораздо ранѣе:

Пастухъ то зрѣть могъ,
и многіе другіе стихи черезъ чуръ
плохи. И во всякомъ случаѣ охота
печатать такую дрянъ. Это худая
услуга и литературѣ и памяти
Поэта.

Второе посланіе къ Ари-
старху.

Сей старецъ дорогъ намъ *и пр.*

(Стр. 79).

Хорошо было Министерство
Просвѣщенія и въ рукахъ Шиш-
кова, нечего сказать.

Пестелю.

Снесемъ иль нѣтъ главу свою...

(Стр. 89).

Должно быть отрывокъ чего-то,
или экспромптъ, сказанный за обѣ-
домъ, или ужиномъ.

На воцареніе Александра I.
Сказалъ деспотъ... *и пр.*

(Стр. 91).

Пушкинъ едва родился во время
воцаренія.

Николаю I.
Великій государь *и пр.*

(Стр. 93).

Къ портрету Аракчеева.
Холопъ вѣнчаннаго солдата!
Ты стоишь лавровъ Герострата,
Иль смерти вѣнца Коцебу;
А впрочемъ— !

(Стр. 97).

Надпись къ Исакиевской
церкви.
Сей храмъ трехъ царствъ изобра-
женъ:
Гранитъ, кирпичъ и разрушенъе.
(Стр. 96).

Князю А. Н. Голицыну.

III.

Онъ добрый малый, братъ сестри-
цамъ
Онъ не былъ золъ ни для кого;
Скажите правду, князь Голицынъ,
Ужъ не повѣсить ли его?
(Стр. 98—99).

Про себя.
Великимъ быть желаю *и пр.*

(Стр. 102).

Не думаю, чтобы стихи были
Пушкина.

Вовсе не на Аракчеева, а на
Стурдзу, написавшаго современно
смерти Коцебу политическую за-
писку о Нѣмецкихъ Университе-
тахъ. Второй стихъ пропущенъ:

Благослови свою судьбу.
Послѣдній послѣ прибавленъ, а
можетъ быть и не Пушкинымъ.
Когда эти стихи ходили по рукамъ,
пятого стиха не было.

Стихи написаны гораздо ранѣе
Пушкина. Первые написанные
при Павлѣ:

Се памятникъ двухъ царствъ:
Объемъ имъ приличный,
Низъ мраморный, а верхъ кир-
пичный.

Не говорится ли здѣсь о Васи-
лѣ Львовичѣ Пушкинѣ? Впрочемъ
не очень понимаю значенія и соли
этихъ стиховъ.

Едва ли Пушкина, во всякомъ
случаѣ стихи довольно пошлые.

Автору Исторіи Государства Россійскаго.

I.

Въ его Исторіи изящность, простота *и пр.* Я убѣжденъ, что стихи не Пушкина.

II.

На плаху истину влача *и пр.*
(Стр. 103).

Сошлись школьники и вскорѣ И эти стихи не должны быть
Одинъ изъ нихъ кой-какъ рецензію Пушкина. Онъ не высоко цѣнилъ
скрональ, дарованіе и комедію Грибоѣдова.
Въ которой ясно доказалъ,
Что горе отъ ума—не рецензента
горе.
(Стр. 104).

Жуковскому.

Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею Не Пушкина, а Александра Бе-
и пр. стужева, что подтверждается бра-
(Стр. 105). томъ его въ Русской Старинѣ
Семевского.

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ Врядъ ли Пушкина, развѣ Собо-
печальный. левского съ содѣйствіемъ Пуш-
(Стр. 109). кина.

А. Н. Муравьеву, послѣ пред- Не думаю, чтобы эта грубая
ставленія трагедіи его Битва при эпиграмма принадлежала Пушкину.
Тиверьядѣ.
Не всѣхъ бѣснующихъ людей *и пр.*
(Стр. 111).

Нѣтъ подлѣе до Алтая, *и пр.* И это скорѣе Соболевскаго.
(Стр. 113).

Они были исключены Пушкинымъ *по особымъ причинамъ*, которыхъ теперь не существуетъ, и потому ихъ нечего относить въ примѣчанія, какъ это сдѣлали гг. Анненковъ и Геннади. (Стр. 147).

Адели.

По словамъ г. Плетнева, стихотвореніе это написано къ дочери А. Л. Давыдова *декабриста*. . . . (Стр. 150).

Помѣтка Пушкина: „Услышалъ о смерти Рылѣева, Пестеля, Муравьева, Каховскаго, Бестужева 24-го іюля.“ (Стр. 155).

Аріонъ.

Это стихотвореніе имѣетъ отношеніе къ людямъ, замѣшаннымъ въ дѣлѣ 14-го декабря. Поэтъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые уцѣлѣли отъ тогдашней невзгоды. (Стр. 161).

Въ Альбомъ.

Написано фрейлинѣ А. О. Россети, выданной, въ послѣдствіи, в. к. Михайломъ Павловичемъ замужъ за Смирнова, нынѣ сенатора. (Стр. 162).

Когда великое совершалось торжество.

Стихи написаны по тому случаю, что на выставкѣ около картины Брюлова, изображающей распятіе, были поставлены часовые, для предупрежденія тѣсноты отъ толпы. (Стр. 163).

И это что значить, не понимаю.

Совсѣмъ не декабриста. Декабристомъ былъ братъ его Василій Львовичъ.

Пушкинъ вѣроятно записать бы о казни, а не просто о смерти.

Какъ же не уцѣлѣть, когда онъ не принадлежалъ къ заговору. Напротивъ Императоръ вызвалъ Пушкина изъ ссылки.

Вздоръ. Россети была фрейлиною Императрицы. По своей волѣ вышла замужъ за Смирнова, и Великій Князь тутъ ни причемъ.

Вѣроятно написаны потому, что въ Страстную Пятницу въ Казанскомъ Соборѣ стоятъ солдаты на часахъ у плащаницы.

Мѣдный Всадникъ.
Россію вздернулъ на дыбы!

(Стр. 166).

Мое выраженіе, сказанное Мицкевичу и Пушкину, когда мы проходили мимо памятника. Я сказалъ, что этотъ памятникъ символическій. Петръ скорѣе поднялъ Россію на дыбы, чѣмъ погналъ ее впередъ.

Евгеній Онѣгинъ.

Отрывокъ (слѣдуетъ къ XVII строфѣ 3-й главы).

Но ты губернія Псковская,
Теплица юныхъ дней моихъ,

.....

Но, уважая русскій духъ,

Простилъ бы имъ

..... и жеманство,

Но какъ простить имъ модный

бредъ

И неуклюжій этикетъ.

(Стр. 174—175).

17-я строфа 3-й главы, начало разговора Татьяны съ нянею. Къ чему-же тутъ Псковская губернія?

Если простить имъ жеманство, то можно простить и модный бредъ и этикетъ, что почти одно и то же.

Исторія Пугачевского бунта.

„Исторія Пугачевского бунта“ напечатана почти безъ измѣненій и этимъ она обязана цензурѣ Императора Николая Павловича. . . .

Одна изъ главъ вложена была въ листъ бумаги, на которомъ были написаны имена, пріѣзжавшихъ къ Пушкину съ визитомъ: „Креницины Петръ и Александръ.“ Какъ бы негодуя на подобное небреженіе при представленіи рукописи, Государь подчеркнул ихъ и подписалъ: „Что такое?“

(Стр. 178).

„Князь Голицынъ, нанесшій первый ударъ Пугачеву, былъ молодой

Просто любопытство. Никакого негодованія тутъ незамѣтно.

человѣкъ и красавецъ. Императрица замѣтила его въ Москвѣ на придворномъ балѣ (въ 1775 г.) и сказала о немъ: „Какъ онъ хорошъ! настоящая куколка!“ Это слово было гибелью для Голицына. Шепелевъ вызвалъ Голицына на поединокъ и закололъ, сказываютъ, измѣннически. Молва обвинила Потемкина.“

(Стр. 182—183).

„Процесса Пугачева, къ сожалѣнiю, я (Пушкинъ) не читалъ, не смѣвъ распечатать безъ Высочайшаго на то соизволенiя“.

(Стр. 183).

Приложенiя къ сочиненiямъ Пушкина.

(Стр. 185—212).

Записки Пушкина.

„Голосъ обольщеннаго Вольтера не избавить ея (Екатерины) славной памяти отъ проклятiя Россiи“.

(Стр. 189).

„Княжнинъ умеръ подъ розгами и Фонвизинъ, котораго она (Екатерина) боялась, не избѣжалъ бы той же участи, если бы не чрезвычайная его извѣстность“.

(Стр. 190).

„Фарса нашихъ депутатовъ, столь непристойно разыгранная, имѣла въ Европѣ свое дѣйствiе... Простительно было Фернейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа въ юбкѣ и коронѣ: онъ не зналъ, онъ не могъ

Почему-же Потемкинъ терпѣлъ другихъ любимцевъ?

Какъ-же Пушкинъ не испросилъ его?

Кстати скажешь здѣсь нынѣшнимъ языкомъ: что за экзажерация.

Трагедiя Вадимъ напечатана была, кажется, по смерти Княжнина, и Княжнинъ при жизни своей пользовался извѣстностию не менѣе Ф. Визина. Все это сказано Пушкинымъ не справедливо.

знать истины; но подлость русских писателей для меня не понятна“.

(Стр. 191).

Этотъ отрывокъ написанъ Пушкинымъ въ Кишиневѣ въ 1821 году и сохранился въ сборникѣ Н. С. Алексѣева.

(Стр. 191).

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, товарищъ Пушкина по Лицею, былъ приговоренъ, за 14 декабря, къ каторжной работѣ. 14 декабря 1835 года онъ изъ Свеаборгской крѣпости отправленъ въ Сибирь.

(Стр. 192—193).

„Царю не должно сближаться лично съ народомъ. Чернь перестаетъ скоро бояться таинственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ государемъ“.

{(Стр. 195).

„17. 6-го октября 1834 г. Дмитріевъ предлагалъ Императору А. Муравьева въ сенаторы. Царь отказался начисто и, помолчавъ, объяснилъ на то причину. Онъ былъ въ заговорѣ Палена и Паленъ заставилъ Муравьева писать конституцію—и между тѣмъ произошло дѣло 11 марта.

(Стр. 200).

Не понятна также и запальчивость Пушкина.

Это объясняетъ запальчивость Пушкина. Хотя онъ и не принадлежалъ къ заговору, который приятели таили отъ него, но онъ жилъ и раскалялся въ этой жгучей и вулканической атмосферѣ. Всѣ мы болѣе или менѣе дышали и волновались этимъ воздухомъ.

За что спустя десять лѣтъ былъ онъ сосланъ въ Сибирь? Облегченіе ли это или усиленіе наказанія?

?

Не Панина ли? Паленъ, думаю, не помышлялъ о конституціи. А графъ Никита Петровичъ, сколько мнѣ извѣстно, всегда дѣйствовалъ въ этомъ смѣслѣ и духѣ.

Путешествіе въ Арзрумъ.

„Я передалъ Ермолову слово графа Толстого, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ Персидскую компанію, что умному человѣку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобы отличиться отъ него.

(Стр. 206).

„Онъ (Паскевичъ или Ермоловъ?) недоволенъ Исторіей Карамзина: онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славѣ и могуществу“.

(Стр. 206).

Журнальныя статьи.

Мысли въ дорогѣ.

(Стр. 207—211).

Стихотворенія, напечатанныя въ журналахъ, но не вошедшія въ послѣднее изданіе Сочиненій Пушкина.

(Стр. 213—221).

На выздоровленіе Лукулла.

„Подражаніе латинскому“; но это несправедливо. Подобно „знаменитому посланію Рылѣва: „Къ Временщику“,“ выданному имъ за подражаніе Персію, оно только прикрыто этою надписью отъ подозрительности цензуры.“

(Стр. 214).

„Стихи написаны на выздоровленіе графа Шереметева. Онъ былъ тогда бездѣтенъ,—и все его со-

Что то не понятно.

Карамзинъ не дописалъ Исторіи. Гдѣ же ему было взять славу и могущество, когда ихъ еще не было?

Выписки изъ знаменитаго путешествія Радищева.

?

стояніе должно было перейти къ
С. С. Уварову (еще не графу и
не богачу).

(Стр. 214).

„Эта стихотворная шутка была,
какъ говорятъ, источникомъ всѣхъ
огорченій Пушкина и, наконецъ,
причиной его смерти.

(Стр. 215).

Воспитанница Музъ, пре-
лестна Катерина!

На смерть Кутузова.

(Стр. 220—221).

Нѣтъ, онъ былъ уже богатъ.

Никакого основанія нѣтъ этой
догадкѣ.

Дѣйствительно оба стихотворе-
нія написаны Алексѣемъ Михай-
ловичемъ Пушкинымъ. Первое къ
Екатеринѣ Петровнѣ Луниной, сла-
вящейся своимъ пѣніемъ—впослѣд-
ствіи графиня Риччи.

ОПАСНЫЙ СОСѢДЪ

Василія Львовича Пушкина.

ИЗДАНИЕ.

Въ трактирахъ съ плясунами.
(Стр. 5).

Дивились двоицѣ, на бѣгъ ея взи-
рая.

Позволь, Варяго-Россъ, угрюмый
нашъ пѣвецъ,

Славянофиловъ кумъ, взять слово
въ образецъ.
(Стр. 7).

Херы съ покаями сцѣплялись по
стѣнамъ.
(Стр. 8).

Свѣтъ въ черепкѣ погасъ, и близокъ
былъ сундукъ. . .
(Стр. 13).

Благопристойности ничто не нару-
шало.
(Стр. 16).

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ.

„Въ подлинникѣ: съ ямщиками.“

„Князь Шихматовъ въ стихотворе-
ніи на имя Шишкова употребилъ
выраженіе двоица коней вмѣсто
пара. Каченовскій въ своемъ Вѣст-
никѣ Европы сказалъ, что хорошо,
что поэтъ пріѣхалъ не на тройкѣ.“

„Забавно, что этотъ стихъ Жуков-
скаго.“

„Батюшковъ восхищенъ стыдливо-
стію и деликатностью этого стиха.“

„Этотъ стихъ въ этомъ мѣстѣ пре-
дестъ.“

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) Баронъ Левъ Павловичъ Левенштернъ съ 1820 по 1828 годъ былъ вице-губернаторомъ въ Ревелѣ. Родственникъ его, баронъ Владиміръ Ивановичъ Левенштернъ (р. 1777 † 1858) въ русской литературѣ извѣстенъ своими Записками, недавно напечатанными въ Русской Старинѣ (1900—1902). Въ особенно дружественныхъ съ нимъ отношеніяхъ находились: графъ Нессельроде, князь Чернышовъ, графъ Воронцовъ и др.

2) Лѣтомъ 1824 года П. М. Строевъ сдѣлалъ Карамзину предложеніе составить Алфавитный Указатель или Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго. Исторіографъ согласился на это предложеніе и при этомъ онъ прежде всего попросилъ о слѣдующемъ: „Пожалуйте, замѣчайте ошибки; вамъ онѣ будутъ виднѣе, нежели мнѣ.“ Все время, остававшееся свободнымъ отъ другихъ занятій, Строевъ посвящалъ этому по истинѣ египетскому труду. „Помню,“ писалъ ко мнѣ, въ 1870 году, покойный М. А. Максимовичъ, „когда бывало ни зайдешь къ П. М. Строеву, жившему въ домѣ Селивановскаго на Дмитровкѣ, вѣчно застаешь его надъ Ключемъ къ Исторіи Карамзина“. (Жизнь и Труды П. М. Строева. Спб. 1878, стр. 95).

3) Габбе—варшавскій знакомый князя П. А. Вяземскаго. Онъ служилъ въ Гвардейскомъ Литовскомъ полку и занимался литературою. Въ 1822 году онъ написалъ Похвальное Слово г-жѣ Сталь, на которое князь Вяземскій написалъ рецензію (Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1878. I, 79—83). Уже по смерти Карамзина, 4-го іюля 1826 года, Габбе писалъ П. М. Строеву: „Не имѣя чести быть лично съ вами знакомымъ, но умѣя, со всѣми любителями русской исторіи, цѣнить общепользные труды ваши и глубокія свѣдѣнія, я чувствую себя въ правѣ обратиться къ вамъ съ просьбою прямо, безъ

посредниковъ. Года четыре тому назадъ принялся я за работу, совершенно механическую, за составленіе алфавитной росписи предметовъ къ Исторіи Государства Россійскаго; я не торопился работою, которая меня утомляла, но въ концѣ прошедшаго (1825) года узналъ я, что и вы занимаетесь симъ дѣломъ. Состязаться съ вами было бы съ моей стороны вовсе неблагоразумно; но потерять трудъ, которымъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ испытывалъ я мое терпѣніе, было бы весьма не утѣшительно. Нѣтъ ли возможности присоединить мое стараніе къ вашему искусству? Но это соединеніе, само собою разумѣется, оказалось невозможнымъ, въ чемъ убѣдился и самъ Габбе, послѣ прочтенія „пріятныхъ строкъ“, которыми Строевъ убѣдилъ своего конкуррента, что „трудъ его былъ напрасенъ“. (Жизнь и Труды П. М. Строева. Спб. 1878, стр. 96).

4) 18-го февраля 1825 года Карамзинъ писалъ Дмитріеву: „Будучи и моложе, я не хотѣлъ сражаться съ нашими литературными забіяками. Ты говоришь о нападкахъ Булгарина; это передовое легкое войско, а главное еще готовится къ дѣлу, какъ мнѣ сказывали: Магницкій etc. etc. вступаются за Иоанна“. Въ другомъ письмѣ Карамзина (отъ 9-го іюля 1825) читаемъ: „Мнѣ сказывали, что Министръ Просвѣщенія написалъ грозное письмо къ Магницкому за всѣ его доносы неосновательные.“ (Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Спб. 1866, стр. 391, 399); а 31-го января 1826 года самъ Магницкій писалъ графу А. А. Аракчеву: „Я въ самомъ несчастномъ положеніи. Со мною сдѣланы вещи неслыханныя. Едва скончался Государь, я схваченъ какъ преступникъ, вывезенъ въ климатъ, для меня убійственный“.

Магницкій былъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа и жилъ въ Петербургѣ. Императоръ Николай I приказалъ ему немедленно отправиться въ Казань. (Русская Старина 1901, мартъ, стр. 680).

5) Князь Андрей Петровичъ Оболенскій, р. 1-го августа 1769 г., † 19-го февраля 1862 г. По матери своей, княжнѣ Вяземской, сестрѣ князя Ивана Андреевича, князь Оболенскій состоялъ въ родствѣ съ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ. Онъ былъ главою семейства Оболенскихъ, которое по выраженію Князя, „составляло особый, такъ сказать, міръ Оболенскихъ. Даже въ тогдашней патріархальной Москвѣ отличалось оно отъ другихъ какимъ-то благодушнымъ, свѣтлымъ и рѣзкимъ отпечаткомъ.“

6) Одна изъ сестеръ супруги князя П. А. Вяземскаго, княгини Вѣры Ѳедоровны (рожденной княжны Гагариной), княжна Надежда Ѳедоровна, была замужемъ за княземъ Борисомъ Антоновичемъ Святополкъ-Четвергинскимъ, роднымъ братомъ извѣстной Маріи Антоновны, въ замужествѣ Нарышкиной. У князя Бориса Антоновича и княгини Надежды Ѳедоровны были два сына: Борисъ, женатый на Ольгѣ Николаевнѣ Гурьевой, а другой сынъ умеръ холостой, и шесть дочерей: кн. Надежда Бо-

рисовна Трубецкая, кн. Прасковья Борисовна Щербатова, кн. Наталья Борисовна Шаховская, барон. Елисавета Борисовна, Марія Борисовна и Вѣра Борисовна. Послѣднія двѣ замужь не выходили. Княжна Вѣра Борисовна постриглась въ монашество и основала въ родовомъ своемъ имѣннѣи Филимонкахъ (Московской губерніи Подольскаго уѣзда, близъ Остафьева) монастырь, въ которомъ похоронены всѣ Четвертинскіе. (Примѣчаніе графини Екатерины Павловны Шереметевой).

7) Александръ Васильевичъ Трубецкой, братъ княгини Марьи Васильевны Воронцовой.

8) Камеръ-юнкеръ князь Давидъ Ѳеодоровичъ Голицынъ служилъ секретаремъ нашего посольства въ Константинополь и былъ женатъ на Вѣрѣ Аркадіевнѣ Столыпиной.

9) „Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, пишетъ князь Вяземскій, хотя собственно и не принадлежалъ ни къ Арзамасу, ни литературной дѣятельности нашей, былъ не менѣе того общимъ нашимъ пріятелемъ, т. е. Жуковскому, Тургеневу, Дашкову, мнѣ и другимъ. Онъ былъ, такъ сказать, членомъ корреспондентомъ нашего кружка.“

10) Въ то время представителемъ Англій въ Константинополь былъ лордъ Стратфордъ Каннингъ. При свиданіи съ княземъ Вяземскимъ онъ сказалъ ему: „entre autres choses qu'il n'y avait que deux honnêtes hommes en Europe,—les Russes et les Anglais.“ (Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1884. IX, 237).

11) Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, впоследствии Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, въ то время Кіевскій Генераль-Губернаторъ.

12) Графъ Валеріанъ Егоровичъ Канкринъ, сынъ Министра Финансовъ.

13) Жарки—Калужское имѣніе княгини Елизаветы Петровны Голицыной, дочери графа П. А. Валуева и внуки князя П. А. Вяземскаго.

14) Николай Алексѣевичъ Мухановъ, изъ дворянъ Тульской губерніи. Родился въ 1805 году. Началъ службу 20-го сентября 1819 года въ Измайловскомъ полку. 14-го декабря 1825 года находился при Особѣ Государя и при войскахъ Гвардейскаго Корпуса, собранныхъ на Дворцовой и Исаакіевскихъ площадяхъ противу мятежниковъ. 5-го апрѣля 1830 года уволенъ изъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Въ томъ же году Всемилостивѣйше пожалованъ въ званіе камергера и опредѣленъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій. Съ „отличнымъ усердіемъ“ дѣйствовалъ въ 1830 и 1831 годахъ „къ прекращенію холеры“. 2-го апрѣля 1833 года, „Всемилостивѣйше повелѣно“ быть ему за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 7-мъ департаментѣ Сената. 21-го января 1848 года „согласно прошенію уволенъ отъ службы“, на которую снова вступилъ 31-го января 1854 года въ Московскій Опекунскій Совѣтъ почетнымъ опекуномъ.

15) Страстный любитель книгъ Сергѣй Дмитріевичъ Полтарацкій.

16) Князь Ѳедоръ Гагаринъ, братъ кн. В. Ѳ. Вяземской. Въ 1814 году съ русскими войсками вошелъ въ Парижъ, умеръ въ Москвѣ въ 60-хъ годахъ. (Примѣчаніе графини Е. П. Шереметевой).

17) Дмитрій Аркадіевичъ Столыпинъ, на сестрѣ его Маріи Аркадіевнѣ былъ женатъ князь Павелъ Петровичъ Вяземскій.

18) Дмитрій Александровичъ Давыдовъ родился 26-го мая 1786 г., умеръ 13-го мая 1851 года; былъ женатъ на княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Шаховской. „Въ числѣ предшественниковъ графа А. А. Бобринскаго“, пишетъ князь П. А. Вяземскій, „по сахарной промышленности нельзя забыть нашего общаго съ нимъ пріятеля Д. А. Давыдова. Онъ положилъ въ нее много лѣтъ, много усилій и трудовъ и много денегъ,—едвали не все свое благосостояніе, заключавшееся въ милліонъ рублей ассигнац. Удача не вознаградила его усердія и пожертвованія“. (Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1882. VII, 230).

19) См. Примѣчаніе 5-е.

20) Słownik języka Polskiego. Warszawa, 1807—1814. Въ шести томахъ.

21) Въ дневникѣ своемъ, подъ 29 сентября 1850 г., Погодинъ записалъ: „Вечеръ у Уварова, гдѣ встрѣтилъ Вяземскаго. Шевыревъ предлагаетъ дать обѣдъ Вяземскому. Думалъ о рѣчи“. Въ этомъ обѣдѣ приняли участіе: Марія Ховрина, Елизавета Горстеевна, Марта Новосильцова, княгиня Надежда Четвертинская, Софія Ладомирская, Зинаида Ладомирская, княгиня Надежда Трубецкая, Каролина Павлова, Дарья Сушкова, Евгенія Танненбергъ, графиня Елизавета Сальясъ, Авдотья Глинка, Прасковья Бакунина, Иванъ Лужынь, Степанъ Шевыревъ, Александръ Булгаковъ, Константинъ Булгаковъ, князь Николай Трубецкой, Михаилъ Загоскинъ, Николай Сушковъ, Ѳедоръ Глинка, князь Александръ Ухтомскій, князь Ѳедоръ Гагаринъ, Николай Павловъ, Николай Боборыкинъ, Сергѣй Полтарацкій, графъ Н. Орловъ-Денисовъ, Алексѣй Мельгуновъ, Николай Мухановъ, Михаилъ Погодинъ, Александръ Армфельдъ, Михаилъ Гульковский, Дмитрій Столыпинъ, графъ Василій Бобринскій, Александръ Вельтманъ, Александръ Плещеевъ, Владиміръ Драшусовъ, Петръ Перевлѣскій, Василій Корнильевъ, Алексѣй Верстовскій, Павелъ Нащокинъ, Ѳедоръ Буслаевъ, Тимоѳей Грановскій, Сергѣй Соловьевъ, Левъ Мей, графъ Дмитрій (Андреевичъ) Толстой, Николай Билевичъ, Петръ Новосильцовъ, князь Михаилъ (Андреевичъ) Оболенскій, Михаилъ Скотти, Василій Добровольскій, Петръ Чадаевъ, Дмитрій Бегичевъ, Ѳедоръ Иноземцевъ, Иванъ Горстеевъ, Михаилъ Щелкинъ, князь В. С. Голицынъ.

Шевыревъ писалъ Погодину: „Надобно было оправдать отсутствіе

Хомякова, Гоголя, Максимовича. Не всё же знаютъ, что ихъ нѣтъ въ Москвѣ. А объѣдъ-то былъ славный“.

(Подробное описаніе этого объѣда см. Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1897. XI, 157—167).

22) См. Примѣчаніе 14-е.

23) С.-Петербургское Вольное Общество Любителей Россійской Словесности существовало съ 1816 года. „Цѣль Общества“, коего предсѣдателемъ въ 1822 году былъ Ѡ. Н. Глинка, свидѣтельствуеть Гречь, „есть соревнованіе просвѣщенію и благотворенію. Оно имѣеть засѣданія частныя и публичныя, и съ 1818 года издаетъ журналъ, подъ заглавіемъ: Соревнователь Просвѣщенія; деньги выручаемыя изъ продажи онаго, назначаются въ помощь бѣднымъ и достойнымъ литераторамъ и художникамъ“. (Учебная Книга Россійской Словесности. Спб. 1822. IV, 514—517).

24) Князь Николай Андреевичъ Цертелевъ. Родился въ 1790 г. Началь свою службу 31-го декабря 1801 г. въ Черниговскомъ уѣздномъ Казначействѣ. 12-го апрѣля 1809 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ губернскаго секретаря. 3-го августа 1810 г. поступилъ студентомъ въ Харьковскій Университетъ. Въ томъ же году перемѣщенъ въ Московскій Университетъ на Этико-Филологическій Факультетъ. По окончаніи курса съ званіемъ студента, 20-го октября 1814 г., опредѣленъ въ Канцелярію Статсъ-Секретаря у принятія прошеній. 26-го октября 1817 г. перешелъ на службу въ Министерство Финансовъ. 23-го февраля 1819 г. избранъ дѣйствительнымъ членомъ Высочайше утвержденного Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. 6-го февраля 1820 г. награжденъ Академією Наукъ серебряною медалью за разсужденіе О Русскомъ Народномъ Стихотворствѣ. Въ томъ же году „имѣлъ счастье“ получить брилліантовый перстень за поднесенную Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ книгу Опыты общихъ правилъ Стихотворства. 11-го мая 1823 г. уволенъ изъ Канцеляріи Министерства Финансовъ, а въ томъ же году, 17-го іюля, опредѣленъ директоромъ училищъ Тамбовской губерніи.

25) Борисъ Михайловичъ Ѡedorовъ (род. 5-го марта 1798 г. въ Москвѣ, ум. 7-го апрѣля 1875 г. въ Петербургѣ), по словамъ В. И. Саятова, принадлежалъ къ числу второстепенныхъ русскихъ писателей первой половины XIX столѣтія. Въ своей литературной дѣятельности онъ являлся лирикомъ, драматургомъ, романистомъ, историкомъ, биографомъ, критикомъ, журналистомъ и въ концѣ концовъ дѣтскимъ писателемъ. (Остафьевскій Архивъ Князей Вяземскихъ. Переписка Князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ редакцією и съ примѣчаніями В. И. Саятова. Спб. 1901. II (Примѣчанія), стр. 431).

Когда въ 1832 году, въ Москвѣ, Погодинъ издалъ свои Повѣсти, то Полевой ядовито замѣтилъ: „Г. Погодинъ не имѣетъ соперника въ разнообразіи трудовъ. Развѣ Б. М. Ѳедоровъ, единственный изъ русскихъ писателей, можетъ сравниться съ нимъ въ этомъ“. (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1892. IV, 23).

Борисъ Ѳедоровъ благоговѣлъ предъ Державинимъ. Однажды, въ 1815 году, онъ зашелъ къ нему, и когда Ѳедоровъ „слишкомъ восторженно похвалилъ его“, то Пѣвецъ Фелицы ему замѣтилъ: „только умѣренная похвала пріятна, какъ благоуханіе розы и резеды; густой же дымъ ошеломяетъ.“ (Протв. Сочиненія Державина. Спб. 1866. III, 736).

Благоговѣя передъ Державинимъ, Ѳедоровъ довольно развязно отнесся къ Пушкину, и даже дерзнулъ критиковать Евгенія Онѣгина. „Г. Борисъ Ѳедоровъ“, писалъ Пушкинъ, „разбирая довольно благосклонно IV и V главы Онѣгина, замѣтилъ однакожъ мнѣ, что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сряду начинаются у меня частицею ужъ, что и назвалъ ужами, и что въ риторикѣ зовется единоначатіемъ. Осудилъ также слово корова и выговорилъ мнѣ за то, что я барышень благородныхъ и, вѣроятно, чиновныхъ, назвалъ дѣвчонками (что конечно не учтиво), между тѣмъ какъ простую деревенскую дѣвку назвалъ дѣвою:

Въ избушкѣ распѣвая, дѣва прядетъ“.

Почти одновременно съ Борисомъ Годуновымъ Пушкина, Борисъ Ѳедоровъ выступилъ съ своимъ романомъ Князь Курбскій. Пушкинъ писалъ Плетневу: „Борька также вывелъ юродиваго въ своемъ романѣ: и онъ байроничаетъ, описываетъ самого себя! Мой юродивый, впрочемъ, гораздо милѣе Борьки—увидишь“.

Пушкину приписывалась эпиграмма, принадлежащая Дельвигу, а по другимъ указаніямъ Соболевскому:

Ѳедорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.

(Сочиненія А. С. Пушкина. Спб. 1887. V, 126—127; VII, 168—169).

Борисъ Ѳедоровъ пользовался покровительствомъ А. И. Тургенева и служилъ у него подъ начальствомъ, занимая должность старшаго помощника столоначальника въ 3-мъ отдѣленіи Департамента Духовныхъ Дѣлъ. Въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, 22-го мая 1823 г., Ѳедоровъ прочелъ свои стихи подъ заглавіемъ: Ободреніе. „Вотъ тебѣ нѣсколько стиховъ“, писалъ А. И. Тургеневъ къ князю Вяземскому, „изъ піесы секретаря моего—Ѳедорова, которую избрали для публичнаго чтенія сегодня въ Обществѣ литераторовъ.“ Въ

другомъ письмѣ своемъ къ князю Вяземскому, Тургеневъ писалъ: „Въ стихахъ Ѳедорова много хорошаго и публика была ими очень довольна“. Но первые четыре стиха Ѳедорова:

Сіянье дню, роса цвѣтамъ,
Крыле уму въ его стремленьѣ,
Талантовъ воспитатель намъ,
Живительное ободренье!

показались князю Вяземскому не понятными, и онъ спрашивалъ А. И. Тургенева: „Что значать первые четыре стиха Ѳедорова? Нѣтъ въ нихъ никакой связи“. (Остафьевскій Архивъ, II, (Примѣчанія 573, 575), 325—329).

26) 25-го мая 1823 г., А. И. Тургеневъ писалъ князю Вяземскому: „Сбирался описывать тебѣ вечеръ въ Бесѣдной Храминѣ, но хлопоты и недостатокъ въ матеріалахъ помѣшали“ (Остафьевскій Архивъ, II, 325). Подъ этой Бесѣдной Храминой слѣдуетъ разумѣть залу, въ домѣ Державина на Фонтанкѣ, въ которомъ нѣкогда собирались члены Бесѣды Русскаго Слова. По смерти Пѣвца Фелицы, вторая супруга его, Дарья Алексѣевна, рожденная Дьякова, воспѣтая своимъ мужемъ подъ именемъ Милены и образъ которой недавно живописалъ намъ И. П. Хрущевъ (Русскій Вѣстникъ 1903 г.), предоставила Бесѣдную Храмину для засѣданій членовъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности. Это одушевило графа Д. И. Хвостова и онъ написалъ Посланіе Ѳедору Петровичу Львову, на случай чтенія Высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества Любителей Словесности въ залѣ Д. А. Державиной, 1823 г. мая 22-го дня (Примѣчаніе В. И. Саитова). 25-го мая 1823 года А. И. Тургеневъ писалъ князю Вяземскому: „Посылаю двѣ крайности: Пушкина и Хвостова. Какъ ни отказывали Хвостову въ чтеніи разныхъ предложенныхъ отъ него піесъ, но онъ нашель средство быть напечатану и даже прочтену: похвалилъ хозяйку за храмину и вызвалъ громкія рукоплесканія“. (Остафьевскій Архивъ, II, 325).

27) Булгаринъ читалъ Отрывки изъ жизни Марины Мнишекъ. По отзыву Греча, „статья была слабая, плохо написанная. Онъ не читалъ ее, а мямлялъ, и паденіе было совершенное“. (Примѣчаніе В. И. Саитова).

28) Василій Ивановичъ Туманскій служилъ въ Одессѣ въ канцеляріи графа Воронцова. Въ бытность свою въ Петербургѣ онъ прочелъ въ Обществѣ отрывки изъ Посланія къ Державину (Вѣкъ Елисаветы и Екатерины).

29) Александръ Осиповичъ Корниловичъ былъ издателемъ историческаго сборника Русская Старина въ 1824—1825 г. Получилъ образованіе въ Муравьевской школѣ колонновожатыхъ. Потомъ состоялъ по генеральному штабу или, какъ тогда называли, свитскимъ гвардейскимъ

офицеромъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ членомъ Южнаго Тайнаго Общества и делегатомъ этого Общества къ Сѣверному. За участіе въ событіяхъ 14-го декабря 1825 года осужденъ въ каторжную работу, но вскорѣ возвращенъ секретно въ Петербургскую крѣпость. (Русская Старина, 1878, XXIII, 319—320). Когда въ концѣ 1825 года Погодинъ являлся къ Карамзину, то послѣдній очень раздраженнымъ тономъ говорилъ о происшествіи 14-го декабря, бранилъ предводителей: „каковы преобразователи Россіи: Рылѣевъ, Корниловичъ, который переписывался съ памятью Петра Великаго!“ Это относится къ посвященію Корниловича его Русской Старины: Памяти Петра Великаго. (Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1888. I, 331).

30) Статью А. О. Корниловича Объ увеселеніяхъ въ царствование Петра Великаго прочелъ Николай Александровичъ, старшій изъ братьевъ Бестужевыхъ.

31) Въ этомъ засѣданіи В. И. Туманскій прочелъ отрывокъ изъ думы Рылѣева—Войнаровскій.

32) 25-го мая 1823 г. А. И. Тургеневъ писалъ князю Вяземскому: „Отрывокъ изъ біографіи Дмитріева не хорошо выбранъ и читанъ неудачно.“ (Остафьевскій Архивъ II, 325).

33) Михаилъ Евстафьевичъ Лобановъ, помощникъ бібліотекаря въ Публичной Библіотекѣ. Въ то время переводилъ онъ Федру, отрывки изъ которой читалъ въ Публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности. (Гречъ. Учебная книга Россійской Словесности. Спб. 1822. IV, 608).

34) Александръ Ефимовичъ Измайловичъ родился 14-го апрѣля 1779 года и скончался въ 1831 году, въ Петербургѣ. Въ Альбомѣ Сестрицѣ (1822 г.), онъ самъ о себѣ пишетъ:

Извѣстный авторъ, сочинитель,
Поэтъ альбомный, фабулистъ,
Благонамѣренный и толстый журналистъ,
Недѣльныхъ книжечекъ издатель,
Членъ разныхъ обществъ, предсѣдатель.

Подробная біографія его написана Иваномъ Кубасовымъ и напечатана въ Русской Старинѣ 1900—1901 г.

35) О двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ Вѣстникѣ Европы (Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1878. I, 84—97). Въ Русскомъ Архивѣ напечатано прошеніе „въ Главное Училищъ Правленіе коллежскаго совѣтника, Императорскаго Московскаго Университета почетнаго члена и кавалера князя Петра Андреева сына Вяземскаго“, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Господинъ цензоръ Красовскій не соблагволилъ одобрить моего сочиненія, которое отдано было г. Гречу для помѣщенія въ журналѣ, издаваемомъ

имъ подь именемъ Сына Отечества. . . Представляю при семь рукопись мою на благоустроеніе Главнаго Училищъ Правленія и прошу покорно оное о защитѣ правъ автора . . . Соблюдая должное уваженіе къ свѣдѣніямъ и личному достоинству чиновника, удостоившагося довѣренности начальства и званія цензора, долженъ я однакоже видѣть въ настоящемъ запрещеніи или слѣдствіе какого либо недоразумѣнія, или дѣйствіе недоброжелательства ко мнѣ. И нынѣ не говоря уже о томъ, что г. цензоръ Красовскій рѣшительно запрещаетъ мнѣ въ представляемомъ сочиненіи сказать, почему уважаю дарованіе такого то писателя и почему не раздѣляю мнѣній другаго, . . . г. Цензоръ принимаетъ на себя въ отношеніи ко мнѣ обязанность рецензента и съ учительскою заботливостію наставляетъ меня искусству писать по своему.“ (Русскій Архивъ 1896. № 6, стр. 293—295).

Припоминая стихи Пушкина Братья Разбойники, князь Вяземскій писалъ (1823) А. И. Тургеневу: „Я благодарилъ его (Пушкина) и за то, что онъ не отнимаетъ у насъ, бѣдныхъ заключенныхъ, надежду плавать и съ кандалами на ногахъ. Я пробую, сколько могу, но все что-то ныряю ко дну. Дѣло въ томъ, что ихъ было двое, а мнѣ достается одному уплывать на островокъ разсудка, вопреки погони Красовскихъ съ товарищами.“ (Остафьевскій Архивъ. II, 1823.)

Глубоко оскорбляется патриотическое чувство отъ подобнаго отношенія какихъ-то Красовскихъ къ Русской Литературѣ.

36) Валеріанъ Николаевичъ Олинъ (умеръ послѣ 1839 г.), по свидѣтельству В. И. Сайтова, „принадлежалъ къ числу плодовитѣйшихъ писателей первыхъ десятилѣтій прошлаго вѣка“. (Л. Н. Майковъ. Сочиненія К. Н. Батюшкова. Спб. 1886. III, 730). Одно изъ стихотвореній его подверглось строгой цензурѣ Красовскаго. Олинъ писалъ:

Улыбку устъ твоихъ небесную ловить.

Красовскій замѣчаетъ: „Слишкомъ сильно сказано; женщина недостойна, чтобъ улыбку ея называть небесною“. Желаніе Олина, выраженное въ стихахъ:

О какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши

Безвѣстный, близъ тебя къ блаженству приучаться,
привело Красовскаго въ негодованіе. „Это значить“, писалъ онъ—„что авторъ не хочетъ продолжать службы Государю для того только, чтобъ быть всегда съ своей любовницей; сверхъ сего, къ блаженству можно приучиться только близъ Евангелія, а не близъ женщины“. (Пятковскій. Изъ Исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Спб. 1876. II. 298—299)

Любопытно, что въ программѣ (1821 г.) своей газеты—Рецензентъ—Олинъ, между прочимъ, заявилъ: „Издатель поставляетъ долгомъ извѣстить заблаговременно любителей изящной словесности, что поэзія

будеть занимать уголокъ весьма тѣсный въ издаваемой имъ газетѣ; за то они не встрѣтятъ въ оной стиховъ убійственныхъ нашихъ Котеновъ, Прадоновъ, Бавіевъ и Мевіевъ. . . . Издатель съ удовольствіемъ и благодарностію будетъ помѣщать въ своей газетѣ пьесы, написанныя со вкусомъ и пріятностію, и нисколько не предосудительныя для нравственности и религіи“.

37) Заамѣчаніе на краткое обзорѣніе Русской Литературы 1822 года, напечатанное въ № 5 Сѣвернаго Архива 1823 года. (Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1878. I, 101—109).

38) Посланіе къ И. И. Дмитріеву. (Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1880. II, 294—297).

39) Любопытно знать: какіе приказы С. С. Уваровъ могъ давать въ 1823 года литературѣ изъ департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли, котораго онъ въ то время былъ директоромъ?

40) Полярная Звѣзда. Карманная книжка для любителей и любителей Русской Словесности, на 1823 годъ, изданная А. Бестужевымъ и К. Рылѣвымъ.

41) Здѣсь разумѣется полемика Жандра съ Яковомъ Толстымъ по поводу статьи А. А. Бестужева Взглядъ на старую и новую Словесность въ Россіи, напечатанной въ 1-ой книжкѣ Полярной Звѣзды, въ которой Бестужевъ неблагопріятно отозвался о переводахъ Жандра. Князь Вяземскій въ письмѣ своемъ къ Бестужеву, отъ 10-го мая 1823 г., писалъ: „Ради Бога, уймите Жандра, да, воля ваша, и своему рыцарю велите вложить перо въ чернильницу, ихъ перья уже такъ притупились, что способа нѣтъ. Признаюсь, до сей поры не могу разобрать, въ чемъ состоитъ ихъ споръ. Вотъ уже точно споръ до слезъ! то есть до слезъ, извлекаемыхъ зѣвотою“. (Русская Старина, 1888. IX, 318).

42) Въ письмѣ своемъ (1823 г.) къ издателю Сына Отечества князь П. А. Вяземскій писалъ: „Недостатокъ полнаго изданія сочиненій писателя, каковъ Фонъ-Визинъ, замѣтенъ въ библіотекахъ нашихъ. Извѣстно, что за день до кончины своей привозилъ Фонъ-Визинъ къ Г. Р. Державину комедію свою Гофмейстеръ; ея нѣтъ въ оставшихся по немъ бумагахъ, и всѣ старанія отыскать послѣднее сіе произведеніе оригинальнаго комика нашего остались до сего времени тщетными“. (Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1878. I, 98—99).